

АНДРЕЙ ВОРОНИН

СЛЕПОЙ
БОЛЬШОЙ КУЩ

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Большой куш

«ХАРВЕСТ»

2005

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Большой куш / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2005 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-5047-7

Глеб Сиверов, внештатный агент ФСБ по кличке Слепой, получает задание, для выполнения которого должен выступить в несвойственной для него роли: ему поручено расследовать преступление, произошедшее несколько лет назад в другой стране. Дело оказывается настолько сложным, что даже он, бесстрашный и хладнокровный, сомневается, сможет ли исполнить поручение своего бессменного шефа.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-5047-7

© Воронин А. Н., 2005
© ХАРВЕСТ, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Воронин
Слепой. Большой куш

© Составление. Оформление ООО «Харвест», 2005

Глава 1

Пришло время поговорить серьезно.

– Всего товару на двенадцать лимонов, – подытожил человек с серебристо-седыми усами, которые резко выделялись на красноватом лице.

– В каких единицах? – сморгнул собеседник.

– В наших родных – зеленых.

– Говоришь, всего восемь? По сколько на нос выходит? – человечек с прилипшими ко лбу завитками волос стал делить на листке бумаги в столбик.

– Е-мое, а еще с высшим образованием...

– В виде отвлеченной задачи я тебе любые интегралы решу. Но когда дело доходит до денег, у меня математические способности пропадают. Должно быть, конечно, наоборот, но так уж сложилось.

Закончив вычисления, человечек кивнул сам себе и снова поднял на собеседника круглые глаза:

– Значит, решил, что нас будет именно восемь – ни больше ни меньше? Хотя на людях лучше не экономить.

– Водиле надо сидеть за рулем, бойцу смотреть по сторонам. Если человек занимается сигнализацией, он не должен держать в одной руке пушку и каждую минуту оглядываться. И так далее.

– В любом случае организатор ты, тебе видней. Кто платит за музыку, тот танцует девушку.

– Не спеши, Гога, – остановил краснолицый. – Ты должен задать все вопросы сегодня, а не завтра.

– Я человек не въедливый, но если ты настаиваешь... Вопрос по существу: как будем цапки приходить?

– Каталог выставки уже напечатан, там есть оценочная стоимость каждого штучного камня, каждого украшения. Мелочевку будем считать по рыночной стоимости карата.

– С учетом вида огранки?

– Фирма-то одна. Они гранят мелочевку на один манер.

– Тогда вопрос закрыт.

Гога провел рукой по волосам. Бесплезно: завитки остались на месте.

– Так ты не хочешь нас собирать?

– Не вижу смысла.

– Все равно ведь увидимся завтра.

– Терпеть не могу коллективных обсуждений и фоток на память. Ты бывал когда-нибудь на заседаниях райкома комсомола?

– Чур меня, – всплеснул руками Гога. – Нет, конечно.

– А мне вот довелось в молодости поприбывать. С тех пор даже на троих не могу ничего обсуждать, блевать тянет. Если есть личные пожелания, могу передать остальным. Один, например, попросил, чтоб ни на ком не было грязных носков.

– Главное, чтобы мне обеспечили тишину. Сам понимаешь...

– Теперь о принципах «демократического централизма». Никаких междусобойчиков. Пока я в поле зрения, все обращаются ко мне и слушают мои команды. Если нет меня рядом, приоритет получают люди из силового прикрытия.

– А если они начнут противоречить друг другу? Такое ведь может произойти.

– Слушайся человека в черной майке с широким поясом вроде армейского.

– Как нам друг к другу обращаться? «Эй, товарищ»?

– Не морочь голову. Прямо как тот англичанин из анекдота, которого не представили женщине. Слава Богу, на одном языке говорим, пойдем друг друга.

* * *

Краснолицего усача звали Вождь. Не в комсомольском смысле, а совсем в другом. Цветом лица и густыми черными волосами, доходящими до ворота рубашки, он напоминал индейца. Точнее, не аутентичного «Виннету», а заслуженного актера, которого подобрали для этой роли.

Коренастый, с продольными складками на переносице и подбородке, он был прирожденным организатором. Он давно понял, что в жизни главный талант – умение «работать с людьми». Врожденные способности к такой работе ему не нужно было специально развивать.

Если бы он имел талант поддакивать и лизать задницы вышестоящим, он бы сделал себе карьеру еще в молодости, среди «вечно молодых» комсомольских деятелей. Но по духу Вождь был анархистом: не признавал над собой никакой власти, и подчинение ему других тоже оказывалось временным. Подельников он менял после двух-трех удачных съемов «касс».

Из теперешнего состава пятеро уже удостоились чести поработать под его началом. К ним он добавил только Гогу и Глюка. Специалист по сейфам в прошлый раз не понадобился, как и спец по сложным охранным системам. Новая цель была покруче...

– Бриллианты везут на выставку со всей Европы.

– Тогда нам лучше брать выставочный зал, – заявил крепыш с черным кожаным поясом шириной в четыре пальца.

– Умный, сил нет. Сможешь зал гробануть, сниму перед тобой шляпу.

– Не знаю... – дрогнул под пристальным взглядом Вождя бывший спецназовец. Его подетски курносый нос плохо сочетался с тяжелой челюстью. – Я просто имел в виду, что цапек там будет в десять раз больше.

– В двадцать раз. Представляешь, какие там меры предосторожности? Но если у тебя есть готовый план...

– Откуда, что вы? Мое дело нажимать на курок.

– Тогда слушай меня, скромного человека, который не претендует хапнуть всю выставку. «Carrier» привезет побрякушки самолетом – у компании есть свой «борт». На летное поле подгонят броневичок – он поувесистей, чем был в прошлый раз у инкассаторов. В нем нет даже бронированных стекол, экипаж смотрит на дорогу в самый настоящий прицел.

– И как водила рулит при таком обзоре?

– Все делает компьютер. Получает со спутника карту и рулит куда надо, сканируя движение и сигналы светофора. Водитель чисто на подстраховке.

– Колеса у этого чуда-юда тоже бронированные?

– Шутки шутками, но они прикрыты специальными защитными экранами. Выстрелом не пробьешь, разве только пуля полетит строго горизонтально в сантиметре над асфальтом.

– Как им шип на дороге понравится?

– А сканер на хрена? Уж если он встречные и поперечные тачки отслеживает, то состояние дорожного покрытия тоже видит наперед.

– И какой дает сигнал? На останов?

– Только никто из броневика не вылезет. Будет эскорт на мотоциклах, они все моментом подчистят. Сколько наберется этих ребят, я точно не знаю, но никак не меньше четырех. Плюс еще две-три полицейские машины – вклад городских властей.

– Маршрут, наверно, держат в секрете?

– В любом случае закоулками камни не повезут. Скорей всего, вот здесь: мимо Конгресс-центра по Нусельскому мосту, дальше по Легеровой мимо Национального музея, – крас-

нолицей провел пальцем по туристической карте центра города, где отмечены важные достопримечательности. – Не доезжая вокзала, завернут по Рузовой. Хотя могут и специально выбрать кружной путь.

– Движение полиции перекроют?

– Вряд ли. Зимой сюда привозили на выставку картины Веласкеса из Прадо. Тогда движение перекрыли всего на полчаса. Но мэрию обделали в газетах за наплевательство на интересы горожан, и они теперь десять раз подумают, прежде чем полностью освободить улицы на маршруте. Наверно, просто организуют зазор впереди и сзади максимум метров на пятьдесят.

– Так вы хотите по дороге их перехватить? – пальцы правой руки Курносого невольно сжались в кулак.

Вождь отмахнулся от его предположения, как от мухи.

– Исключено. Я одного боюсь: лишь бы они все просчитали, лишь бы не дали повод каким-нибудь придуркам полезть на дело раньше нас. Знаешь, сколько в Праге любителей? У кого-то наверняка возникло желание пожить, вот я и хочу, чтобы оно отпало.

– А мы когда будем камни брать?

Оба сидели за столиком в кафе на Староместской площади. Радовали глаз старинные, умело отреставрированные дома и цветочная клумба с пестрыми маргаритками.

– Когда прибудут на место. Запомнил план первого этажа?

– Туточки, – курносый с гордостью похлопал себя по макушке с первыми признаками ранней плешки.

Современное здание на Златнической улице предназначалось для разного рода VIP-мероприятий. Именно здесь, а не в картинной галерее или Национальном музее выставлялись придворные портреты Веласкеса, а несколькими годами раньше – сокровища гробницы Тутанхамона. Здесь проводились и совещания важных персон, например министров экономики Евросоюза. Ни одно здание в Праге не могло похвастаться таким уровнем безопасности.

– Броневик заедет с тыла в третьи ворота, их на днях проверяли особенно тщательно. Стальные роллеты опускаются, его отсекают от улицы и направляют дальше.

– В бокс «А», – уверенно предположил Курносый.

– Совершенно верно, я обозначил это помещение буквой «А». Здесь машину вторично отсекают от улицы и начинают разгружать.

– В зал оттуда не поднимешься, – прищурился Курносый, припоминая чертеж.

– А они не стремятся к простоте и удобству. Впрочем, на их последующие планы мне плевать. Дальше грузом будем распоряжаться мы. Выезжать будем ночью, на этом самом броневику.

Курносый смутно представлял себе дальнейшее. Но уверенно кивнул, как привык, будучи сержантом, кивать офицеру, ставящему боевую задачу.

– Держи, – человек с красным лицом бросил Курносому ключ. – Ровно в полдень заходишь со двора в шестой дом по Златнической, поднимаешься в пятьдесят восьмую квартиру. Примерно в это же время товар прибывает в аэропорт. Аккуратно посматриваешь, что творится на улице, какие меры предпринимает охрана. Дом не самый ближний, но с верхнего этажа все отлично видно. Проследи, как броневик заедет внутрь, что потом будет происходить снаружи. Если случится что-то важное и непредвиденное, плотно задерни занавеску в спальне. Тогда я к тебе наведаюсь на чашку чаю.

– Может, вам лучше не светиться там? Пару слов по мобиле...

В том юбилейном году мобильниками в Праге еще хвастались, они считались предметом роскоши.

– Отключи свой мобильник прямо сейчас, при мне. Для дела он не нужен, все остальные звонки для тебя в ближайшие дни не актуальны.

Бывший спецназовец беспрекословно выполнил требование. Спрятал сотовый обратно в карман и по-детски шмыгнул курносый носом.

– В квартире, в шкафу, найдешь форму полицейского, три гранаты и семь пушек с глушителями. Обойдемся без запасных обойм – все придется нести на себе. Наш полицейский не должен тянуть в руках никаких подозрительных пакетов и свертков.

– Зачем столько оружия? Ты ведь сам говорил, что будет всего два бойца, у остальных другой профиль. Да я один всех привечу.

– Неизвестно, как повернется дело, как будем уходить. Я не могу никого лишать шансов отбиться в одиночку.

– А мне предлагаешь обойтись шестью патронами?

– На промежуточной остановке обзаведемся парой автоматов.

– И то хлеб.

Глава 2

С третьим по счету собеседником краснолицый Вождь общался в гараже. Дрель с мощным аккумулятором удивительно тихо работала на малых оборотах. Вместо сверл мастер пользовался разнообразными насадками, они позволяли ему почти мгновенно заворачивать разнообразные винты, даже затягивать болты. Иногда просунуть дрель не удавалось, тогда он брался за обычные слесарные приспособления.

Заперев гараж изнутри, Вождь уселся на табурет, внимательно наблюдая за тем, как продвигается сборка. Человек в комбинезоне и шапке с козырьком, одетой задом наперед, дышал тяжело, как будто бежал стометровку. Он действительно старался делать все как можно быстрее и, судя по темпу, репетировал сборку уже не в первый раз.

Сейчас он ставил фрикционный диск сцепления с кожухом на установочные штифты, совмещая заранее нанесенные метки. Сцентрировав диск, затянул болты крепления и перешел к установке КПП.

– Время засекал? – спросил Вождь.

– Начал в тринадцать пятнадцать, – коротко выдохнул человек в комбинезоне.

– Нормально, Денис. Только про качество не забывай. Качество еще важнее, чем сроки.

– Кто придумал это чудо-юдо? Небось решил вспомнить свой детский конструктор? Оно же развалится на ходу.

– Полчасика проедет, а больше и не потребуется. Потом поставят в музей городской полиции. Бывал там?

– Да ну. Чего я там не видел?

– Большой частью, конечно, туфта. Рецидивисты прошлого в профиль и анфас, страницы старых архивных дел, наручники всех фасонов, кандалы. Лично мне понравилась только «железная дева». Средневековое орудие пыток, вроде литого футляра для человека, утыканное изнутри шипами.

Вместо движка Денис закрепил пустой корпус. Тем не менее стал подводить требуемые шланги, разъемы и тросы к головке цилиндров и дроссельному патрубку, подсоединять нужные провода.

– Сколько, вы говорите, настоящий весит?

– Друзья помогут, пуп не надорвешь.

Дождавшись окончания сборки, Вождь придирчиво осмотрел транспортное средство со всех сторон.

– Надеюсь, не я его буду вести? – поинтересовался Денис, вытирая руки ветошью.

– Ты у нас повезешь товар. Слабовата у тебя водительская квалификация, чтобы вызывать огонь на себя.

– Ничего, я не в обиде... На хрена я руки вытираю, сейчас же все равно разбирать. Раз уж вытер, попью кофейку, – подойдя к столу, Денис взялся за небольшой китайский термос. – Налить вам, Вождь?

– Я только что пил в кафе двойной «эспресс».

– Тогда молчу. После пражского кафе мой растворимый – помои.

Несмотря на такую оценку, Денис с удовольствием опорожнил пластиковый стакан.

– Можешь не пачкаться, напарник за тебя разберет.

– В смысле, моя тренировка закончена?

– Считаю, да. Вечерком пройди пару раз по маршруту, все прикинь. И еще раз ночью, около трех. Шкуркой все запомни, чтоб не тормозить на каждом повороте. Может случиться, наш спец не сумеет быстро разблокировать бортовой компьютер. Машину придется вести при минимальном обзоре.

- Тогда проще приоткрыть дверцу и крутить руль, стоя на подножке.
- Кофе допил?
- Уже выгоняете?
- Вот именно.
- Да не оберегайте вы нас как девственниц, все равно ведь увидим друг друга. Или косыночками заставите прикрываться? У меня вообще на лица память плохая.
- Проваливай, не разводи мне демагогию.

* * *

Последним по счету Вождь встречался с Глюком – вторым кроме Гоги человеком, впервые привлеченным к работе. Гогу Вождь давно знал, был с ним на «ты». С Глюком познакомился в прошлом году, в датском следственном изоляторе. Вождя тогда арестовали по давнему делу – ограбление и убийство известного коллекционера-нумизмата.

На самом деле старика он не трогал – поручил Курносому присмотреть за ним. Связать на всякий случай, чтобы бедняга, размахивая в негодовании руками, не ушиб гостя.

Собрав урожай арабских дирхемов и венецианских талеров, он вернулся в комнату, где старичок сидел с посиневшими губами, без кровинки в лице. То ли слишком перепугался, то ли расстроился. А может, Курносый чересчур сильно затянул веревку на запястьях.

Одним словом, с коллекционером случился инфаркт, перед уходом Вождю пришлось вызвать по телефону «скорую». Как позже выяснилось, врачи не смогли помешать отходу старика в мир иной.

Спустя два года следователь убеждал арестованного Вождя, что на шее старика остались следы пальцев – этого вполне достаточно, чтобы квалифицировать смерть как насильственную. В калейдоскопе событий память о том случае слегка поугасла. Вроде бы сам Вождь не трогал старика за цыплячью шею. Может, Курносый, проверял пульс на сонной артерии?

Оба были в перчатках, но экспертиза по горячим следам провела химический и генетический анализ мельчайших брызг слюны – она оказалась стопроцентно идентичной слюне Вождя. Он помнил, как ругался, стоя возле потерявшего сознание хозяина. И лишний раз убедился, что повышать голос последнее дело.

Как водится, ему пообещали скостить часть срока в случае сотрудничества со следствием. Называть сообщника он, конечно, не собирался, намерения признаваться в грабеже тоже не имел. К моменту знакомства с Глюком он изучал датское уголовное законодательство с помощью компьютерной системы перевода на все языки, включая фарси и русский.

Программа выдавала полную бессмыслицу. Вождь требовал выделить ему живого квалифицированного переводчика, иначе он на первом же заседании суда заявит протест. Но полицейские жались, сэкономили бюджетные деньги – ведь переводчика нужно было приглашать со стороны.

В компьютерном зале Вождь познакомился с соотечественником, чьи карие глаза смотрели удивительно оптимистично для места лишения свободы. Длинные пальцы Глюка летали по клавиатуре, как пальцы пианиста по клавишам. Он рассказал Вождю, как хорошо себя ведет. Даже помогает тюремной администрации создавать сайт, чтобы она могла выиграть конкурс среди исправительных заведений и отхватить денежный грант.

Вождь не считал, как другие уголовники, «хороших» зеков суками и продажными шуками. Каждый человек волен вести себя в тюрьме как он считает нужным. Главное не закладывать товарищей по несчастью и вообще не портить никому жизнь.

Глюк сообщил, что в его деле полицейским ровным счетом ничего не удалось доказать. Судя по всему, его вот-вот должны выпустить: если не на этой неделе, так на следующей. Вождь

поделился в ответ своими проблемами, сказал, что его раскручивают на длительный отдых за решеткой.

– Смотри, будь осторожен, – ни с того ни с сего вдруг сказал Глюк.

– В каком смысле?

– Сидеть ты не хочешь, по всему видно.

Вождь на всякий пожарный проявил осторожность:

– Наоборот. Давно мечтаю перевоспитаться.

– Не будем говорить вслух, кто о чем мечтает, – усмехнулся Глюк.

Разговор происходил в интернет-зале – так называлась комнатка с двумя компьютерами. Заключенные допускались сюда по очереди, в большинстве своем они играли в игры вроде «Mortal Combat» или «Counterstrike» – мудреные диссертации психологов доказывали, что проявления виртуальной агрессии препятствуют выбросам агрессии реальной.

Выходить в Интернет разрешалось немногим – только тем, кто зарекомендовал себя перед администрацией с самой лучшей стороны. Каждый такой выход всегда отслеживался дежурным через административный компьютер, чтобы заключенный не мог обменяться электронным посланием с друзьями на свободе.

– Я знаю от одного приятеля, как здесь поступают с беглецами, – сообщил Глюк. – Здешнюю тюремную систему можно сравнить с перевернутым айсбергом: большая часть над поверхностью и только самая малая под водой. В надводной части все замечательно и гуманно – тренажерные залы, учебные аудитории, возможность выбора блюд в столовой. Но где злостные нарушители режима? Неужели славной администрации удалось победить в человеке грубые инстинкты? Ничего подобного – просто тех, кто «не вписался», переводят в другую, «подводную» часть системы. Там тоже все чисто и прилично, но в этой стерильности быстрее сходят с ума, чем в наших родных вонючих и холодных одиночках.

– Я туда не попаду. Я буду белым и пушистым.

«Пока не настанет время и место для резкой метаморфозы», – подумал про себя Вождь.

Его глаза ничего не выражали, да и Глюк не вглядывался в них, продолжая смотреть на монитор.

– Я тебе могу по-свойски помочь. Если хочешь.

«Подстава? – промелькнуло в голове у Вождя. – Зачем она следствию, если у них и так все козыри на руках?»

– Скажу честно, я не герой, – продолжал Глюк. – Если б мне предстояло торчать здесь еще год, я бы не стал ничего такого предлагать. Эта штука сработает, когда меня здесь уже не будет.

– Они догадаются, кто ее придумал?

– Наверняка. Заведут дело о твоём побеге. Но им невыгодно будет отражать там мою роль. Кто мне предоставил такие возможности? Они, голубчики, администрация... Ладно, хватит на сегодня разговоров.

Вождь неплохо разбирался в людях, иначе он бы не заработал такое прозвище. Он видел, что собеседник совсем неглуп. Если бы от Глюка потребовали «прикупить» соотечественника, этот оптимист потоньше подошел бы к делу. Четко обозначил бы свою выгоду, потребовал бы что-нибудь, услуга за услугу. Рассказал бы правдоподобную историю о причине своего ареста. И самое главное – он не стал бы предлагать вот так, с налету.

Суть плана состояла в следующем. Для контроля за «играми» заключенных компьютеры подсоединяли к другому. Правда, тот не входил в локальную сеть администрации, тем самым возможность проникнуть в нее вроде бы исключалась.

Будучи асом, Глюк сумел найти решение. Разрабатывая сайт тюрьмы, он параллельно урывками писал специальную программу. Во-первых, она преодолевала защиту «компа» – контролера от несанкционированного доступа. Во-вторых, записывалась как вирус на любую вставленную в дисковод дискету.

С контролирующего компьютера брали информацию для статистики: сколько зеков выходят в Интернет и какие из дозволенных сайтов у них самые популярные: спортивные, юмористические или образовательные. Как в большинстве европейских тюрем, в этой тоже проводились разные нужные и ненужные исследования. Министерства, ведомства и социальные учреждения заботились о своем имидже.

По плану Глюка «вирус» с дискеты должен был внедриться в локальную сеть администрации и скрыто запустить программу. В определенный день и час она должна была симитировать поступление запроса на выезд подследственного за пределы тюрьмы.

– Ты должен знать по буквам фамилию старшего чина, ответственного за твое дело.

– Я видел ее на протоколах допроса, когда расписывался, – кивнул Вождь. – А ты знаешь стандартную форму заявки?

– Знаю, как они вызывают на следственный эксперимент.

– Неплохо. Только ведь зека не выдадут на руки кому попало?

Теперь Глюк и Вождь не встречались открыто. Разговор происходил в столовой, во многом похожей на нормальное городское кафе без официантов, где посетитель сам убирает со стола поднос с грязной посудой. Разница состояла в полном отсутствии женских лиц.

Трапеза здесь не начиналась и не заканчивалась по команде, на нее был отведен час времени. Многие уже покончили с едой, но народу в просторном помещении оставалось еще достаточно много. Настоящий интернационал: негры и славяне, арабы и латиносы. Громкая разноязыкая речь. Глюк и Вождь сидели спиной друг к другу, за соседними столиками у стены.

– Все как доктор прописал. Конкретная машина с конкретными людьми.

– Уточни.

– Потом. Сейчас тебе нужно знать одно: по дороге я вас встречу.

– Ты?

Вождю не было нужды оборачиваться, он и так хорошо помнил не слишком атлетичную фигуру Глюка.

– Может, лучше кто-нибудь из моих друзей?

– Я не могу доверять неизвестно кому.

– Я ведь тебе доверяю.

– Ты меня слышишь и видишь. Для толкового мужика этого вполне достаточно, чтобы составить мнение.

– Хорошо, я дам тебе их координаты.

– Не хочу я ничьих координат. Потом твой кореш попадет на собственной дурости, а меня на веки вечные запишут в подсадные. Чтобы не отвечать за чужие промахи, я должен все сделать сам. Возьму на себя водилу, ты будь готов заняться сопровождающим. Только не убивай его, не надо настраивать полицию на вендетту.

Глава 3

Теперь в канун похода за бриллиантами они встретились с Глюком в «Интерконтинентале» – лучшей из пражских гостиниц. Человек с оптимистичными карими глазами и маленьким ртом, ежеминутно готовым к улыбке, жил здесь под видом торгового представителя компании «Nokia». Компания и в самом деле оплатила его проживание. Правда, никто из ее многочисленных бухгалтеров не имел об этом понятия – деньги были очень хитроумно и аккуратно сняты с одного из ее банковских счетов.

На столике в номере лежали новейшие образцы товара.

– Должность обязывает, – улыбнулся Глюк. – Что будешь пить?

В номере такого класса имелся бар с напитками на любой вкус. Вождь только шевельнул бровями, но Глюк понял, что он имеет в виду.

– Обижаешь. Если я где-то обосновался, я первым делом проверяю насчет прослушки. Особенно в гостиницах. Сейчас включим музыку на случай, если кто-то из соседей любит спать, приложив ухо к стенке.

Из динамиков стереосистемы зазвучали скрипки и виолончели симфонического оркестра. Они прекрасно гармонировали с видом из окна на Старый город и Влтаву.

– Так что тебе налить? Теперь уж точно можешь говорить смело.

– Тоник есть? За тридцать часов перед началом работы я становлюсь строгим трезвенником.

– Тоник? У тебя такая приторно-сладкая жизнь, что хочется горьким побаловаться? – поинтересовался Глюк, наполняя бокал из небольшой бутылочки.

Вождь проигнорировал шуточный вопрос и задал свой, по существу:

– Разобрался с системой?

– Они ее перепрограммировали и слегка усовершенствовали. Сделали оригинальную разводку по зданию. В общем, ничего особенного.

– Теперь насчет бортового компьютера в броневике. Скорей всего, он транслирует координаты. Можно его просто отрубить. Но обзор хреновый, быстро не поедешь.

Глюк кивнул, плеснув спиртного себе в бокал.

– Наверняка, он работает постоянно, от аккумулятора. Отсутствие сигнала будет означать ЧП.

– Шито-крыто у нас все равно не получится.

– Сколько у меня будет времени на все про все?

– Минут пять максимум. Они только неделю назад выбрали средство доставки. Все, что мне удалось, – заполучить чертежи фирмы-изготовителя.

– У бортового компьютера тоже есть папа с мамой.

– Меня, как человека малообразованного, больше кузов интересовал.

– В основном разобратся успею. Но вряд ли смогу наладить пересылку ложных координат.

В лучшем случае через четверть часа.

– И не надо. Пусть работает как положено, только не транслирует местонахождение.

– Это пожалуйста.

– Уверен?

– Настолько же, насколько ты уверен в остальном.

Почти минуту в номере звучал только симфонический оркестр – каждый из собеседников думал о своем. Наконец, Вождь собрался встать с кресла.

– Ты сделал как обещал, – заметил Глюк.

– Это не одолжение. Мне без тебя не обойтись.

Обещание взять Глюка на масштабное дело было дано Вождем после рывка к вожделенной свободе. Он прождал за решеткой полторы недели с того дня, как Глюка выпустили. И вот, наконец, пришли за ним.

Отвели во двор, где ожидал симпатичный датский «воронок» – микроавтобус с наглухо отделенным от водителя салоном без окон, обшитый изнутри стальными листами. Надели наручники, прицепленные к двум специальным крюкам, и он остался в холодном электрическом свете наедине с уже знакомым молодым сотрудником.

«Воронок» тронулся, и Вождь для приличия спросил на корявом английском, куда они едут. С дежурной вежливостью датчанин сослался на необходимость еще одного следственного эксперимента на месте преступления. Он выбирал слова попроще, чтобы русский понял их без труда.

– О'кей, – безучастно кивнул Вождь и стал прикидывать дистанцию для удара.

Он не настолько хорошо знал город, чтобы вслепую, по одним поворотам ориентироваться, где сейчас проезжает «воронок». С каждой минутой напряжение возрастало, каждая остановка на красный свет казалась следствием нападения.

Вождь смотрел в пол, потом в потолок. Потом решил, что не стоит упорно избегать взгляда следователя. Взглянул ему в глаза невесело и устало, как бы говоря: «Достали вы, ребята. Как ни старайтесь, признания вам все равно не добиться».

Машина резко притормозила, из отгороженной кабины послышалось сдавленное мычание водителя. Вождь тут же выбросил вперед обе ноги, пнув сопровождающего в живот. Тот скорчился, рухнул со скамьи вниз.

«Воронок» снова поехал – оставалось надеяться, в нужную сторону. Либо Глюк тычет пушкой в бок водиле, либо сам сел за руль. Либо... О плохом думать не хотелось. Первым делом нужно было освободиться от наручников.

Руками Вождь по-прежнему не мог дотянуться до сотрудника полиции. Пришлось подтащить его ближе, обхватив за шею ногами. Сопровождающий все еще не приходил в себя, иначе бы последовал еще один удар. Вождь забрал у него табельное оружие и ключи. Судя по размеру, они никак не могли разомкнуть стальные браслеты.

Конечно, полицейский проявил бы большую самонадеянность, если б остался наедине с зеком, имея при себе ключи и от наручников, и от глухой двери микроавтобуса. Возможно, у них есть твердое правило: одни ключи иметь с собой, другие оставлять у водителя.

Глюк никак не мог подсобить, дверь нужно было открыть изнутри. Как бы ни растягивался Вождь, до замка ему не достать. Требовалось безотлагательно привести в чувство полицейского.

Держа пистолет в одной руке, Вождь шлепал его по щекам другой, мотал голову туда-сюда, ухватив за волосы. Скованный наручниками, он не мог предпринять ничего другого.

Машина снова остановилась, со стороны кабины послышался стук. Глюк сигнализировал, что пора выбираться.

– Сейчас! – крикнул Вождь.

На крик полицейский приоткрыл глаза. Вождь немедленно отпихнул его от себя и взял на прицел.

– Живо дверь открой! Опен зе дор!

Испуганный сопровождающий сунул руку в карман, и Вождь вспомнил, что забрал ключи. «У него свои козыри, – мелькнуло в голове. – Если я его пристрелю, неизвестно, как отсюда выбраться. Чтобы освободить меня от наручников Глюк должен попасть внутрь, чтобы выпустить его, я должен избавиться от наручников. Замкнутый круг».

К счастью, сотрудник полиции не осознал, что имеет возможность поторговаться. Возможно, счел Вождя отморозком, которому в такой ситуации опасно противоречить – выстрелит.

лит, не думая о последствиях, по крайней мере ранит. Так или иначе датчанин поймал брошенные ключи и беспрекословно отпер дверь.

В просвете показались Глюк с водителем. Сообщник Вождя держал руку в кармане – он не мог оставить водителя одного в кабине, без присмотра, поэтому велел выйти и ему.

Не прошло и полминуты, как сотрудник полиции оказался прикованным вместо Вождя. Оставив ему для компании водителя «воронка», Глюк захлопнул дверцу. Сунул в замочную скважину тонкий шип и обломал его, чтобы с замком пришлось повозиться.

За это время Вождь успел оглядеться: микроавтобус стоял в глухом каменном дворике старого города, с табличкой на одной из стен – судя по всему, здесь было краткое описание охраняемого государством памятника старины.

Когда они были уже далеко и от дворика, и от старого города, Вождь захотел узнать подробности операции. Глюк объяснил, что в гараж столичной полиции запросы на транспорт тоже поступают через компьютер. Получив такой запрос от имени руководителя следственной группы, водитель приготовился ехать.

Датская пунктуальность лишь немного уступает немецкой. Не увидев никого из сотрудников за минуту до выезда, водила позвонил в управление. Руководителя группы не оказалось на месте – Глюк рассчитал время так, чтобы этот тип оказался на традиционной «планерке» у начальства. Трубку, как и требовалось, взял один из молодых подчиненных, ни сном ни духом не ведавший ни о каком следственном эксперименте с участием русского.

Сунуться на «планерку» он, конечно, не решился, звонить в высокий кабинет тоже. Позвонил в тюрьму, чтобы разобраться с недоразумением. Ему подтвердили, что запрос поступал и сюда, и они уже ждут машину. Пожав плечами, младший сотрудник решил забрать Вождя и ждать вместе с ним окончания «планерки»...

В гостиничном номере продолжала звучать симфоническая музыка.

– Хочу тебя предупредить, – негромко произнес Глюк. – Если мы идем вместе на дело, ты должен знать обо мне кое-что важное. Это больше, чем детали личной жизни. В свое время я был сотрудником Комитета.

Вождь не сразу сообразил, о чем идет речь.

– Гэбэшником? – наконец переспросил он с той улыбкой, какой встречают странную шутку.

– Так точно. Выпал в девяносто первом, когда началась реорганизация, иначе сказать, развал. Потом, когда позвали обратно, многие вернулись, а я нет. В общем-то, это был развод по обоюдному желанию. Я всегда выглядел там белой вороной или, лучше сказать, паршивой овцой. Но как-то не решался сделать первый шаг. Помогли обстоятельства.

– Да-а. По роду занятий я привык к неожиданностям. Но такое услышать...

– Можно все переиграть, обойтись без моего участия. Или ты считаешь, что я теперь слишком много знаю?

– Подожди, мне надо подумать. Так ты, значит, работал там, на Лубянке?

– Нет, там я появлялся редко. Я сидел в другом месте.

– И чем занимался?

– Моя специализация мало изменилась, – улыбнулся Глюк.

Кареглазое лицо больше не казалось Вождю симпатичным. Неприметные, правильные черты. Такое лицо в самом деле может принадлежать бывшему сотруднику комитета безопасности.

– Ты похож на мужа, которому жена призналась в измене.

– Да нет. Вряд ли мое прошлое или прошлое других ребят можно считать образцовым. В смысле, образцовым для человека, который намерен взять крупный куш. Только сделай шаг назад, в прошлое, как ступишь в кучу дерьма. Но твой случай, конечно, особенный.

– Не спорю. Потому и предупредил.

– И как ты себя теперь чувствуешь в новой роли?

– Нормально. Работа прежняя. Разница одна, и для меня она очень существенна. Теперь я сам себе хозяин. Сам выбираю цели и средства, сам решаю в одиночку работать или нет. Да и противник почти прежний: раньше – чужие спецслужбы, теперь – чужая полиция.

– И еще хозяева больших денег и дорогих вещей.

– Ну какие это противники?

– «Cargier» – противник, – убежденно сказал Вождь.

– Увидим...

– Спасибо, что рассказал, – Вождь поднялся с места. – Извини, у меня теперь каждый час расписан. Наша договоренность остается в силе.

Чувство неприязни ушло. Все-таки не бывший мент, да к тому же чисто технический специалист. И никто ведь за язык не тянул, сам решил поставить все точки над i. Служба научила быть до конца честным с тем, с кем делаешь одно дело, а это не самое плохое качество.

Глава 4

Миниатюрный броневичок плавно выкатился на летное поле из чрева небольшого самолета – собственного борта компании «Carrier». Машина не выглядела чисто утилитарным транспортным средством для перевозки ценностей, к работе над проектом явно привлекли хорошего дизайнера.

Силуэт был изящным, несмотря на прикрытые боковыми стальными накладками колеса. Никакой тяжеловесности – на автомобильной выставке среди фотовспышек и вращающихся постаментов это чудо техники выглядело бы очень уместно, особенно если на бронированной крыше разлеглась бы юная красавица в мини-юбке.

Конечно, и другие ювелирные фирмы привезли свои экспонаты на выставку с особыми мерами предосторожности. Но эффектнее всех это получилось у «Carrier». Недаром журналисты были заранее извещены – весь церемониал доставки был не только необходимой процедурой, но и рекламной акцией.

К броневичку сразу приклеился эскорт из мотоциклистов в черных кожаных комбинезонах, белых шлемах и перчатках-крагах. При выезде на трассу добавилось полицейское сопровождение с мигалками.

Никто не мог заглянуть внутрь машины, но журналистам было уже доподлинно известно, что покажет на выставке знаменитая фирма. Серию коле с бриллиантами и сапфирами под названием «Царица Савская», бриллиантовую диадему, которой короновали пару лет назад «Мисс Европы», другие украшения и отдельные камни.

Пресса гадала, как упакованы изделия. Понятно, что каждое находится в своем футляре, но где находятся сами футляры – в особых кейсах или в хитроумно запертых стальных ящиках, которые вдвигаются в специальный стеллаж и выдвигаются обратно?

Прикидывали, сколько охранников едет внутри. Двое, максимум трое. Если больше, они будут тесниться и мешать друг другу. Гадали, не закроют ли в последний момент движение городского транспорта по трем-четырем улицам, хотя бы на короткий срок.

Кортеж поехал маршрутом, которого не знал никто, даже сами полицейские. Только в самую последнюю секунду они получили точные указания объездного пути с выездом на другой берег Влтавы и обратным пересечением реки через Манесов мост.

Телевидение не вело прямой трансляции из аэропорта. Средствами связи Вождь не хотел пользоваться, опасался, что, по мнению некоторых членов банды, было чересчур. Поэтому Курносый, наблюдавший из окна за тыльной стороной павильона, ничего не знал о причинах задержки.

Едва он успел встревожиться, как кортеж, похожий сверху на гусеницу, медленно и плавно выполз из-за угла. Мотоциклисты соскочили с «коней» по обе стороны от раскрытых ворот, полицейские выбрались из своих одинаково раскрашенных машин, напряженно оглядываясь по сторонам.

«Вождь прав: легче всего прихватить товар на разгрузке. Но почему уверен, что с разгрузкой будут долго тянуть?» Стальные роллеты опустились, скрыв броневичок, и суть происходящего внутри стала для Курносого тайной.

...События в выставочном центре начались примерно за час до приземления драгоценностей в аэропорту. На полу в просторном павильоне неожиданно появились лужи. Представители фирм со всей Европы еще только начали размещать на стендах свои изделия и сразу же забили тревогу. Техническая служба павильона кинулась проверять водопроводные трубы. К ужасу администрации обнаружился прорыв одного из стыков – оттуда хлестало на полную катушку.

Водопровод был уложен еще до строительства павильона, под старым, снесенным потом зданием. Когда отрыли фундамент под новое, трубы оказались слишком высоко, в метре от пола первого этажа. Но переделку водопровода изначально не заложили в смету, поэтому строители оставили все как было.

Теперь обе трубы находились в узком пространстве между вертикальными стенками соседних подвальных помещений. Под ними тоже был железобетон, который обеспечивал цельность фундамента. Заполнив нишу, вода стала подниматься вверх – другого пути у нее не было.

Авария грозила срывом выставки. Представители фирм срочно стали собирать свои драгоценности со стендов, упаковывать их обратно. Дирекция комплекса успокаивала, клятвенно обещая быстро разрешить проблему.

Две бригады ремонтников вскрыли пол. Вентили за пределами здания были перекрыты, и стало возможным приступить к замене трубы. Как раз в этот момент, уже по ходу движения броневичка, новость об аварии получили представители «Carrier». Немедленно возник вопрос: что делать? Временно парковать машину где-то в другом, заранее не изученном месте? Возвращать ее в аэропорт?

Самолет уже успел улететь, и диспетчерские службы загруженного аэропорта в центре Европы не могли разрешить ему развернуться и снова сесть. Зеленый свет для него мог зажечься только ближе к вечеру.

Люди из «Carrier» срочно созвонились с коллегами из других фирм, прибывшими в Прагу раньше. Те были возмущены нелепым инцидентом, но сообщили, что вода больше не прибывает, и они на данный момент не намерены отказываться от участия в выставке. Просто повременят размещать в павильоне экспонаты, пока его не приведут в надлежащий вид.

Ответственные сотрудники «Carrier» не хотели брать на себя слишком много. За время проезда по пражским улицам они успели связаться и с головным офисом. Там приняли решение не устраивать на ходу опасных импровизаций и загонять броневичок на заранее согласованное, хорошо охраняемое место.

Вскоре трубу благополучно заменили, покрытие пола восстановили в прежнем виде, лужи вытерли. Но воздух в павильоне стал влажным, как в тропиках. Конечно, для современных ювелирных изделий это было не так страшно, как, например, для живописи эпохи Возрождения. Но представители фирм в один голос потребовали соблюдения норм, принятых для выставочных помещений.

Открывать крупногабаритные рамы, устраивать сквозняки? Сколько тогда нужно охранников, чтобы наверняка исключить доступ посторонних? Дирекция выставки предпочла установить в зале мощные вентиляторы. Шумели они сильно, зато с работой справлялись хорошо.

* * *

Нечто сугубо штатское всегда присутствовало в облике генерала Потапчука – кадрового офицера федеральной службы безопасности с тридцатипятилетним стажем. Так и хотелось назвать его по имени отчеству, Федором Филипповичем. Глеб имел на это право – их с генералом связывала давняя дружба. Но каким бы приятельским не казался со стороны их разговор, каждый отдавал себе отчет в дистанции, разделяющей генерала-орденоносца и секретного, официально не состоящего в штате агента, не отмеченного даже ценным подарком в виде именных часов.

– Помнишь Мишу Шестакова? – спросил Потапчук.

– Неплохой мужик, хотя и со странностями. Дважды ненадолго свела работа, нашли общий язык. Еще немного и мы бы точно подружились.

– Да, бывали у него причуды. Других бы поперли за такое, а ему сходило с рук. Умел к себе располагать.

Слепой мысленно представил себе капитана Шестакова. Кареглазый, бледноватый, как все технические спецы, редко работающие на свежем воздухе. Не характерной для таких спецов была только добродушная улыбка. Пожалуй, ни к кому больше из штатных сотрудников Слепой не решился бы применить этот эпитет: добродушный. Все недостатки Шестакова проистекали именно отсюда.

– Давненько я о нем не слышал.

– А его давно уже нет в живых.

– Жалко, – помрачнел Глеб.

– При Бакатине попал под сокращение. Ребята старались поддерживать с ним связь, уверяли, что все нормализуется и он сможет вернуться. Сам захотел поменять профиль. Пару раз доходили слухи, будто он связался с криминальными делами. Я не знал, верить им или нет.

Глеб поймал себя на том, что не слишком удивился. Большинство известных ему офицеров службы безопасности ни при каких обстоятельствах нельзя было представить себе в роли преступников. Преступить закон ради дела они могли, не моргнув глазом. Но ради наживы – ни в коем случае. Насчет Шестакова многое можно было допустить. Он был из другой породы, из другого, не такого твердокаменного материала. Одним словом, добродушный человек – а доброта может вести разными дорогами.

– Надо было, конечно, напрямь кого-нибудь, навести точные справки, – продолжал Потапчук. – Каждый раз дела отвлекают – одно, другое. Короче, только на прошлой неделе выяснил, что он погиб пять лет назад в Праге, во время ограбления ювелирной выставки.

– Известно хоть, где похоронили?

Генерал покачал головой.

– Надо бы разыскать, – задумчиво произнес Глеб. – Если там, в Чехии, привезти прах на родину. Семья его...

– С женой развелся, детей не было. Родители, по словам соседей, знали о нем еще меньше, чем я. И отец, и мать в позапрошлом году скончались.

– В любом случае надо найти могилу. Лишь бы только не кремировали – там это любят.

– Страна небольшая, места мало. Но я тебя не только ради этого вызвал. Нужно разобраться, кто виноват в его смерти. Конечно, он погиб, уже не будучи сотрудником. Но свой всегда остается своим, если только не становится двойным агентом. Согласен?

– Полностью.

Глава 5

Вождь заранее подал заявку на участие в выставке от имени никому не известной кипрской ювелирной фирмы. Ему отправили ответный факс, предупреждая, что изделия должны будут пройти экспертизу. Если их качество окажется недостаточно высоким, фирму могут не допустить к участию в выставке.

За полгода пребывания в Праге Вождь в достаточной степени освоил чешский, чтобы объясниться на эту тему. Искусство грима он давно уже освоил и умел скромными средствами добиваться нужного эффекта.

На сей раз он наклеил короткую бородку и бакенбарды, которые выглядели еще более натуральными, чем настоящие усы. Надел очки с толстыми стеклами. Мало кто из обычных людей представляет себе, насколько такие очки меняют внешность – преобразается вся полоса от бровей до кончика носа. Конечно, у Вождя болели глаза, конечно, он видел хуже, но игра стоила свеч.

Он лично навестил оргкомитет под видом кипрского грека, директора фирмы по маркетингу. Продемонстрировал фотографии продукции, отсутствие реальных образцов объяснил предварительным характером своего визита.

– Зачем мне брать штат охранников? Вначале решим вопрос в принципе.

Ювелиры-эксперты из комиссии оргкомитета на глазок дали образцам твердую «четверку», подтвердив, что для реальной оценки нужны «живые» украшения. Председатель оргкомитета известил господина Ставроса, что его фирма, к великому сожалению, не будет допущена к выставке.

– Вы на верном пути, но пока еще чуточку не дотягиваете. Будьте активней в рекламе. Даже мы, профессионалы, ничего толком не знаем о вашей фирме, что тогда говорить о потребителях? Наши участники давно заслужили прочную репутацию на рынке, большинство женщин перечислит вам без запинки названия этих фирм.

Вождь притворился обескураженным, потом завел речь об отдельном павильоне.

– Если бы мы могли представить свою продукцию параллельно с выставкой...

– В принципе, это возможно. Заранее хочу предупредить: павильон будет небольшой, совершенно отдельный и плата за него, безусловно, превысит взносы участников выставки.

– Я все передам нашему руководству. В любом случае спасибо, – протянул руку «господин Ставрос».

Деньги за соседство с ювелирной элитой были переведены за день до приезда главных участников. Глюк взломал защиту электронной сети нужного банка и сбросил нужную сумму со счета заранее выбранной кипрской фирмы, чье название сообщил оргкомитету Вождь.

Огромных корпораций, ворочающих миллиардами, на Кипре не водилось, поэтому денежный перевод неминуемо должен был быть обнаружен в ближайшие несколько суток. Но Шестаков давал сто процентов гарантии, что тревога по поводу банковской операции не поднимется в течение следующего рабочего дня.

Этот рабочий день уже начался...

Позвонив в оргкомитет, Вождь поинтересовался, пришли ли деньги.

– Да, пришли, но почему так поздно? Надо ведь готовить зал, монтировать стенды.

– Все необходимое мы привезли с собой. Это наша первая большая презентация, и мы специально заказали стенды по высшей категории. Я как раз хотел предупредить, что машина у нас приличных размеров.

Разрешать арендатору выставочной площади монтаж своего оборудования было против правил дирекции. Но деньги от «киприотов» уже были получены и включали в себя оплату всех услуг. Вдобавок предстояло извиняться за прорыв водопроводной трубы и лужи на полу.

Поэтому компромисс был найден сравнительно легко. Пусть монтируют собственные стенды под надзором охраны.

– Значит, нашу охрану вы не пропустите? – уточнил Вождь.

– Ни в коем случае. Сейчас у нас продукция полутора десятков фирм. Представляете какая начнется неразбериха, если всем это позволить. В такой мутной воде и ловят рыбу грабители. У нас система четкая: внутри здания за все отвечает полиция и наша служба безопасности. В случае пропажи любого экспоната мы выплачиваем по договору сорок процентов от суммы вашей страховки. Но нам еще ни разу не приходилось этого делать.

Вождь уважительно кивнул. Собеседник еще раз с нажимом поставил точку:

– Только наши люди, больше ни одного вооруженного человека, даже с газовым пистолетом. Если есть желание, поставьте своих охранников на дежурство где-нибудь возле комплекса. По крайней мере не будут болтаться без дела. Главное – успеть получить разрешение от полиции.

Аккуратный, вымытый до блеска грузовой фургон «Вольво» подъехал к комплексу с тыльной стороны через два часа после прибытия драгоценностей от «Carriег». За рулем сидел Игорь Харитонов, по кличке Шумахер. Вплотную за первой машиной следовала вторая, инкассаторская, тоже арендованная здесь, в Праге. Бородатый Вождь бросил взгляд на окно пятидесятой восьмой квартиры в доме номер шесть. Все в порядке, цапки «Carriег» проследовали, как и ожидалось, в третьи ворота.

Для мнимых киприотов открылись первые по счету ворота.

– Добро пожаловать. Мне поручили вас, так сказать, опекать, – заявил молодой человек с подчеркнуто аккуратным пробором. – Думаю, вы не будете в претензии за тщательность досмотра. Это делается, в первую очередь, в ваших же интересах. Сколько с вами приехало людей?

– Пятеро.

– Немало.

– Иначе не успеть – работы много.

Подошел офицер полиции.

– Майор Поспишил. Можем приступать? Если не возражаете, я начну прямо с вас. Времена сейчас такие, везде и всюду приходится быть начеку.

Он проверил Вождя металлоискателем, в то время как «работники» в форменных ярких комбинезонах по вежливой просьбе полицейских встали возле машины в ряд. С ними дело металлоискателем не ограничилось, всех тщательно ощупали с ног до головы.

– Теперь рассказывайте, где у вас что, – обратился майор к «господину Ставросу».

– Здесь, как вы сами догадываетесь, наши лучшие образцы.

Вождь кивнул одному из «работников», и тот стал извлекать из чрева инкассаторской машины объемистые металлические чемоданы.

– Придется все открыть, – извиняющимся тоном произнес полицейский.

– Конечно-конечно.

Внутри каждого из чемоданов было несколько рамок с рядами закрытых гнезд. Дешевые искусственные камушки Вождь закупил оптом. Он знал, что при досмотре к ним присматриваться не будут. Так и случилось, майор глянул на выбор в два гнезда и остался вполне удовлетворенным.

Один из его подчиненных простучал каждый чемодан на предмет двойного дна и кивком сообщил, что все в порядке. Предстояло самое сложное: досмотр грузовой машины. Именно на этом этапе можно было ожидать неприятностей. Кроме громоздких стендов в собранном и разобранным виде здесь имелись вещи, явно не предназначенные для павильона.

– Там, в глубине, автозапчасти, – предупредил полицейских Вождь, запрыгнув следом за ними в кузов.

– Зачем они вам?

– В таком виде прислали машину. Вначале мы загрузились в меньшую, но с ней что-то стряслось перед самым выездом. Водитель вроде бы починил на скорую руку, но я уже поостерегся ею пользоваться. Позвонил заказать другую. Мне говорят, можем прислать прямо сейчас, в кузове пара запчастей, но они вам не помешают. Я ведь не знал, что «парой» у вас называют все это.

– Странно, – заметил майор, осматривая внушительную гору сваленных кое-как больших и малых деталей самого разного предназначения. – Не могли разгрузить этот хлам?

С первого взгляда здесь можно было различить и движок, и выхлопную трубу с глушителем, и колесную ось, и сами колеса. Куча замасленных, брошенных как попало шлангов валялась на днище с отчетливыми следами ржавчины. Крыло, наоборот, выглядело совсем новым.

– Какая кому разница? – пробормотал на отличном чешском водитель. – Мне завтра рано утром выезжать, так я сразу и поеду.

– И куда свои драгоценности повезешь? – пошутил майор. – На какую свалку?

– Они не мои, – обиделся водитель. – Мне без разницы, что возить. Завтра мне ехать в сторону Рузыне. Заказали в какой-то частной лавочке, хотят конфетку из этого дерьма сварганить и удивить всех в сентябре на ралли.

Каждый пражанин помнил о ежегодном параде необычных машин – по традиции в нем участвовали как старые, тщательно восстановленные модели, так и новые, иногда самые фантастические по дизайну.

– Говоришь, какая разница? Кто-то будет на ралли красоваться, а моим ребятам теперь придется засучить рукава и все здесь перебирать. Вот тебе и разница.

– Так я и знал! – недовольно воскликнул «господин Ставрос». – Лучше бы дождался следующей машины.

– Ничем не могу помочь, – развел руками майор. – Как бы вы ни спешили...

– Нет-нет, я уважаю труд полиции. Делайте, что положено, а своих я придержу, чтобы не путались под ногами.

Майор приказал трем рядовым полицейским надеть рукавицы, предупредил быть осторожными и не запачкать форму. Он все еще продолжал недоумевать насчет дополнительного груза. Решил, что иностранец просто не сориентировался и нанял транспорт у не солидной компании.

Назначение деталей не вызывало сомнений. Главное, чтобы в этой куче ничего не спрятали.

Глава 6

После благополучного окончания досмотра Вождь все равно не торопился разгружать оборудование для павильона. Он изъявил вполне естественное желание вначале взглянуть на помещение своими глазами.

– Сто десять квадратных метров, как вам уже известно. Освещение досконально продумано.

– Что за гул стоит? Или мне кажется?

– Небольшая проблема с водопроводом. Быстренько устранили, теперь выгоняем избыточную влажность вентиляторами.

До сих пор в отношениях со здешней администрацией Вождь выступал в роли Золушки, просящей разрешения постоять рядом с главным бальным залом. Но теперь, после уплаты денег, он стал клиентом и имел право получить свое в лучшем виде.

– Потолок, конечно, высоковат, – заметил он сразу. – Да еще белый. Камням нужно некое подобие пещеры, они играют по-настоящему только на темном фоне. В главном зале ведь не белый потолок.

– Мы его затянули тканью бордового цвета, – признал молодой человек с аккуратным пробором.

– Вот видите. Сегодня я не претендую быть допущенным на Олимп. Но наша фирма заплатила больше любой другой. Будьте добры сделать все как положено.

– Это займет время, – поскучнел представитель администрации.

– В ближайшие часы нашим изделиям здесь все равно не место. Посмотрите, какой влажный пол. Так что у вас есть достаточно времени для работы.

Молодому человеку не очень нравился тон киприота со слишком длинными по современной моде волосами и бакенбардами. Всякое можно стерпеть от представителей «Chopard» или «Chaumet», «Van Clef & Arpels» или «Boucheron», но то же самое трудно вынести от директора по маркетингу никому не известной компании. Пусть бы лучше на этом островке занимались турбизнесом, оливками и вином. У них нет столетних традиций, им все равно не затесаться в аристократическое сообщество всеми признанных домов ювелирной моды.

Заявить это в лицо молодой человек с пробором не мог – его бы просто выгнали с работы. Он всего лишь поинтересовался, нет ли других претензий.

– Конечно, есть, но их вы вряд ли сейчас устранили. Это моя вина, я должен был заранее все проверить.

– Смею заметить, тут вы совершенно правы.

Благополучно разрешился второй по счету после досмотра важный вопрос. Представитель администрации подтвердил право Вождя не разгружать немедленно фургон и не отправлять его назад в отличие от инкассаторской машины. Теперь важно было разведать обстановку в том помещении, где «отстаивался» броневилок «Carrier».

Задача возлагалась на Глюка. Он уже приступил к ее решению, хотя команда по-прежнему оставалась под присмотром двух полицейских и одного сотрудника службы безопасности выставочного комплекса. Как всякий уважающий себя бизнесмен, «господин Ставрос» должен был иметь при себе ноутбук. Отправляясь на осмотр зала, Вождь оставил его в кабине «Вольво», и бывший сотрудник КГБ забрался туда, на место рядом с водительским.

Тем временем Шумахер в роли водителя попросил у плечистого охранника при галстукке разрешения подключиться к одной из розеток бокса и поставить аккумулятор машины на подзарядку. Тот вначале поморщился:

– Здесь тебе не гараж.

– Сдыхает он у меня, понимаешь? Электричества жалко? Потом машина не выедет и будет всем головная боль.

– Не выедет, вытянут на буксире... Ладно, удлинитель хоть есть?

Обрадованно кивнув, Шумахер побежал подключаться. На самом деле концы провода шли вовсе не к зарядному устройству, а к разъему под приборной доской. Глюк подключил к ним ноутбук, хотя тот вполне мог работать автономно.

Уже тогда, в двухтысячном году, был разработан способ передачи данных между компьютерами не по телефонному кабелю, а по силовому. Технических сложностей в деле массового внедрения хватало, но для своего частного случая Глюк их разрешил. Теперь его ноутбук питался от той же самой линии, что и все охранное оборудование комплекса и мог благополучно вытягивать данные. Важно было только разобраться, к какому из компьютеров обратиться с запросом, на какой приходит изображение с нужной камеры.

Кабина грузовой машины располагалась достаточно высоко. Те, кто стоял на полу, не видели ноутбук на коленях Шестакова. Локоть его правой руки свешивался из раскрытого окна кабины, весь вид Глюка говорил о расслабленности. Но длинные пальцы левой бегали по клавиатуре, боковым, периферийным зрением он отслеживал изменения на экране.

Когда Вождь вернулся назад, Шестаков уже «настроился на нужную волну». В ответ на запрос очередной компьютер стал медленно выдавать изображение, разбитое на четыре части. Оно еще только раскрывалось, но броневилок уже отчетливо прорисовался в верхней четвертушке экрана.

Такая неспешная загрузка была мерой предосторожности. Если б шестаковский ноутбук захватил все ресурсы чужого «компа», сориентировав их на обмен данными, это бы обязательно отразилось на работе удаленного монитора. Качество «картинки», получаемой с камер слежения, резко ухудшилось бы, встревоженный охранник мог сообщить начальству о странной помехе. Поэтому Шестаков решил быть скромнее и копировать «картинку» малыми порциями.

Сев на водительское место, Вождь стал изображать в меру сил разговор по-гречески. Выдавая словесную белиберду, всматривался в изображение.

Возле броневилика все было тихо и спокойно. Собравшись в кружок, беседовали несколько человек. Полицейского нетрудно узнать по форме, охранника комплекса – по габаритам. Остальные двое, вероятно, были сотрудниками «Carrieg». Вид с другой камеры позволял заметить еще одного охранника и самого капитана Поспишила.

Вниманием фирму явно не обделили. Ее выставочные экспонаты, похоже, признали самыми ценными – наверняка здесь сыграла роль общая сумма их страховки.

Бронированная машина стояла с закрытыми наглухо дверями. Трудно было определить, есть ли кто-то внутри. Но Вождь остался доволен, пока все шло по плану.

* * *

Пять фотографий, на обороте каждой имя-фамилия и кличка.

Гога – Георгий Гайворонский. Озабоченное лицо с прилипшими ко лбу завитками волос. Похож на великовозрастного студента-заочника, который явился на экзамен неподготовленным и прикидывает, как бы незаметно заглянуть в «шпору».

Игорь Харитонов, по прозвищу Шумахер, в застегнутой на верхнюю пуговицу сорочке, с прищуренным взглядом, хмурым и жестким. Глаза ничего не выражают – холодные, стальные.

Деготь – это Денис Кудрявцев – красивый парень с веселым нахальством в глазах, из тех, кого до смерти любят бабы. Он сфотографирован зимой в дубленке. Обнимает одной рукой длинноволосую подругу, в другой держит горсть снега.

Внешность Семена Ершова вполне оправдывает кличку Курносый – типичный боец с мощным загривком и массивным подбородком. Руки привычно вытянуты по швам – бывший спецназовец имеет понятие о дисциплине.

И последний – Серьга, Марат Селиванов. На снимке выглядит мрачнее всех остальных. Сидит за праздничным столом, держит полную рюмку, усталые глаза смотрят презрительно. В кадр попали початые бутылки водки и шампанского, обильная закуска.

Эта фотография, самая поздняя из всех по времени, по словам Потапчука относилась к прошлому году. На кого так презрительно смотрит Серьга – на весь мир или на кого-то конкретно?

Разложив снимки перед собой, Слепой попытался представить этих людей вместе, делающими одно дело. Впрочем, Федор Филиппович, они не составляли банду и видели друг друга только мельком, во время ограбления. В пражской акции участвовали еще Миша Шестаков, Василий Луконин, по кличке Шмайсер, и, конечно, Вождь, собравший их всех вместе.

Вождь был единственным, чью личность так и не удалось выяснить. Он часто менял фамилии, не жалея денег на фальшивые документы. Умел изменять внешность, не прибегая к пластическим операциям. Он выбирал объект, находил ключевую идею. Под идею подбирал исполнителей, сознательно стараясь не спланировать вокруг себя постоянный коллектив.

Наверняка он боялся предательства, но все-таки не сумел от него уберечься...

* * *

Пока Глюк с Вождем посматривали на экран ноутбука сзади, в фургоне началась слаженная работа. Деготь и Шумахер уже не раз и не два собирали-разбирали для тренировки машину, внешне очень похожую на броневичок.

Назвать ее точной копией было бы большим преувеличением. Другая начинка: от движка и коробки передач до подвески и тормозной системы. Никакой заботы о долговечности, на первом плане простота сборки – ведь машиной придется пользоваться самое большее полчаса. Внутри все по минимуму: приборной доски фактически нет, вместо водительского кресла просто блин, чтобы кое-как примостить задницу. Сам корпус совсем не из брони, как в оригинале, а из такого же тонкого листа, как у обычных автомобилей.

Части корпуса были оклеены снаружи тонкой, но прочной защитной пленкой. Во-первых, на красочном слое не появилось приметных царапин пока они валялись как попало. Во-вторых, цвет покрытия не мог навести полицейских на лишние ассоциации, если бы они до или после досмотра увидели броневичок.

Тщательное сличение внешнего вида позволило бы выявить еще немало мелких отличий. Но Вождь предполагал, что машина-двойник быстро промелькнет перед глазами охраны.

Сейчас впервые Деготь и Шумахер работали вдвоем. Они не знали друг друга даже по кличкам и тем не менее неплохо взаимодействовали. Во всяком случае, не мешали один другому. Только слышались время от времени тихие, но твердые требования:

– Стартер... Ремень сюда... Фильтр топливный...

Так хирург, не отрываясь от операции, требует у ассистента: «Скальпель... Ножницы...».

Роль ассистента выполнял Шмайсер. Не такой большой спец в автомобильном деле, как два других члена банды, Шмайсер достаточно в нем разобрался, чтобы быстро отыскать в куче требуемое. Он не только передавал детали из рук в руки. Он принимал на себя главную тяжесть двигателя, поддерживал топливный бак, пока емкость крепили на место.

Обходились минимумом слов, старались работать как можно тише. Стенки цельнометаллического фургона в некоторой степени преграждали выход звукам, но охрана снаружи все равно понимала – внутри фургона происходит какая-то деятельность. Беспокорства это не вызывало, ведь «Вольво» проверили на предмет мало-мальски подозрительного содержимого.

Скорей всего работники кипрской фирмы, не желая терять времени, начали сборку стендов внутри.

И все-таки чрезмерно сосредоточенное копошение могло бы вызвать вопросы через полчаса или час. Вождь предвидел, что в атмосфере будет сгущаться напряжение, и знал, как его разрядить. Время от времени из фургона доносились взрывы смеха.

Вождь заранее подсказал каждому, как добиться искреннего смеха в момент большого напряжения. Нужно принять самую неудобную позу, застыть в ней и долго смеяться, оставаясь неподвижным. Нескольких тренировок вполне хватило – сейчас смех звучал вполне естественно. Гога, оставшийся снаружи, «на стреме», делал вид, что ему тоже интересно и заглядывал в такие моменты внутрь фургона...

Прошло шесть с половиной часов, прежде чем сборка приблизилась к окончанию. За это время работники не раз и не два покидали кузов вместе и поодиночке. Пили вместе с охраной кофе из пластиковых стаканчиков, объяснялись на пальцах и даже пересказывали с помощью пантомимы анекдоты.

Вождь периодически отлучался из бокса. Изучал обстановку в здании перед решающим рывком к миллионам в драгоценных камнях и ювелирных изделиях.

Вентиляторы почти высушили пол в главном выставочном зале и в отдельном зале для кипрской фирмы, еще не пробившейся в аристократическую семью. Скоро исчезнет причина, по которой отложили разгрузку. Придется сгружать заказные стенды, которые останутся «Carrig» в качестве возмещения за ущерб. Отпадет необходимость держать на месте грузовой фургон «Вольво».

Проблема с белым потолком в зале уже решена, хотя можно постараться и придумать еще повод покапризничать. В любом случае все зависит от момента открытия дверцы настоящего броневишка. После этого счет пойдет на секунды.

Глава 7

По каждой из пяти фотографий Слепой получил наводку. Иногда предельно конкретную – адрес, иногда самую общую. Например, Марата Селиванова последний раз видели в загородном кабаке под Киевом. Там он участвовал в массовой драке, где численное преимущество было на стороне противников. В одиночку раскидав человека четыре, он к приезду милиции растворился в воздухе.

Насчет Гайворонского наводка была ясной и определенной. Глядя на фотографию, Глеб никогда бы не подумал, что этот человек может стать директором фирмы. Однако по информации Федора Филипповича дело обстояло именно так. Координаты офиса Глеб запомнил: Красноказарменная, дом девять, на углу Лефортовского вала.

Подъехав на фирму, Глеб узнал, что она занимается дверями всех видов – от обычных подъездных, оснащенных домофонами, до квартирных с изысканной отделкой. Имелись здесь и такие, которые больше походили на дверцы большого сейфа. Образцы продукции были выставлены в магазинчике на первом этаже. Глеб долго их разглядывал, потом спросил у продавца:

– А если у меня свои требования?

– Берем индивидуальные заказы. Срок исполнения – от двух недель до месяца.

– С кем мне тогда обговорить детали? – спросил Сиверов, надеясь, что ему разрешат пройти в офис.

– Сейчас спустится человек, – продавец взялся за трубку.

«Человек» оказался эффектной миниатюрной особой по имени Марина со спиральными прядями бронзовых волос и перламутрово-розовыми ногтями, непропорционально длинными по отношению к маленьким изящным ручкам.

– Слушаю вас, – достав из прозрачного «файлика» девственно белую и гладкую бумагу, девушка вооружилась остро заточенным карандашом с резинкой на обратном конце.

Глеб назвал нестандартные размеры двери и большую толщину стального листа.

– А какие сейчас самые крутые датчики? – спросил он в несвойственном ему тоне, играя роль мужика делового, но не больно образованного. – Я, вроде, слышал есть такие, которые глаз узнают.

– Вы имеете в виду определение личности по сетчатке глаза? У нас их нет в наличии, но, в принципе, можно заказать. Стоят очень прилично. Во-первых, само устройство дорогое, во-вторых, мы будем заказывать не партию, а всего одну штуку. Могу предложить другой датчик – он запоминает отпечаток пальца, – и молодая женщина подняла очаровательный пальчик с перламутровым ногтем.

– Вы уверены, что его нельзя обмануть? – с сомнением прищурился Глеб.

– А как вы себе представляете? Разве что палец чужой отрезать и приложить вместо своего, – весело хихикнула она.

Сиверов давно заметил: те, кто видит насилие только на экране, часто делают его предметом шуток. Он никогда не пытался объяснить, что на самом деле это не смешно.

– Тоже вещь не дешевая, – добавила для большей убедительности сотрудница фирмы. – Но на складе такие датчики сейчас есть. Или вас не волнуют ни сроки, ни цена?

– Знаете, что меня волнует? Не хочу оформлять свой заказ.

– Почему? – аккуратно выщипанные брови чуть приподнялись вверх.

– Свои причины.

– Мы такого не делаем.

– Разве я похож на подсадного из налоговой?

– Нет, что вы! – протестующим жестом молодая женщина показала, что не хотела оскорбить клиента.

– Тогда в чем проблема?

– Я ничего не решаю, понимаете? А начальство на такое не пойдет.

Еще некоторое время Слепой продолжал для виду уговоры, потом вздохнул, примирившись с отказом.

– Здорово вы меня разочаровали. Но всегда можно добавить в ложку дегтя бочку меда. Как насчет ужина сегодня после работы?

– Резкие у вас, однако, переходы.

– Нормальные. У меня чувство, будто мы знакомы сто лет.

– Успели уже надоесть друг другу? – игриво улыбнулась сотрудница.

– Да нет, я в хорошем смысле.

...В ресторане они общались совсем по-другому – Марина говорила не умолкая. Сиверов сразу угадал в ней болтливую особу, потому и решил положить начало тратам из выданной Федором Филипповичем суммы на «представительские расходы».

За час Марина успела рассказать о тысяче самых разных вещей. О своих любимых кушаньях, фильмах, духах, о мужчинах своих подруг и скандалах своих соседей. От Сиверова многого не требовалось, только кивать и сохранять на лице заинтересованное выражение.

О работе и сослуживцах Марина заговорила после второго бокала сладкого вина. Поведала о злодейских интригах двух «настоящих сучек», о начальнике производства, который несколько раз делал ей прозрачные намеки.

– Самовлюбленное ничтожество. Не стоит о нем лишний раз упоминать.

– Не твой масштаб, правда? Вот если б директор... Шучу-шучу, – Глеб поднял руки вверх, увидев как нахмурились тонкие бровки.

– На первый раз прощаю. Наш директор вообще чудо из чудес. Человек, конечно, хороший, но не рожден быть руководителем. Его двоюродный брат – другое дело. У брата несколько продуктовых магазинов по Москве, обороты бешеные. Лишние деньги есть, вот он и решил сделать родственнику подарок – дал денег на фирму. Время от времени присылает своего человека на проверку, мы ее прозвали между собой «аудит». Пару раз после такого «аудита» люди не просто вылетали с работы, но еще и по морде получали не слабо – за махинации за спиной у директора.

«Доверчивые люди тоже бывают преступниками, – подумал Глеб. – Хотя сейчас он, похоже, в завязке. Своя фирма, свое дело, в котором он большой дока. Что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость?»

Фирменный десерт Марине чрезвычайно понравился. Глаза ее подернулись легкой дымкой.

– Что у нас еще на сегодня в программе? Можно, в принципе, поехать ко мне.

Сиверов был человеком старомодным в отношениях с женщинами – проще говоря, однолюбом. Обижать Марину он не хотел и стал подыскивать благовидный предлог.

– Твою дверь, наверное, можно будет сделать, – тем временем пообещала она. – Я часто бываю на производстве, вожу им чертежи. Поговорю с ребятами.

– Не надо. Еще нарвешься на «аудит».

– Вызову тебя на защиту. Приедешь?

– Ясное дело, не оставлю тебя на съедение. Но давай лучше не будем тебя подставлять. Познакомь меня с вашим Георгием Александровичем, попробую с ним найти общий язык.

Марина наморщила лоб: после ужина с десертом и двух бокалов вина ей стало сложно генерировать идеи. Тут в кармане у Сиверова проснулся мобильник. Звонила Ирина, интересовалась, когда он появится.

– Скоро. Попроси их подождать.

- Кого?
- Ну не могу я так сразу сорваться с места.
- Кому ты там голову морочишь?
- Все, пока, – он дал отбой и спрятал мобильник обратно.
- Жена? – угадала Марина.
- Говорит, люди ко мне заявили. Чего-то хотят.
- Тогда давай, езжай. Терпеть не могу, когда человек рядом ерзает и думает о другом.
- До встречи. Придумай что-нибудь, ладно?
- Придумаю. У тебя ведь с самого начала именно Георгий Александрович был на уме.
- «Ох уж эти женщины, – подумал Глеб. – Не чувствуют фальши, только если речь идет о любви. Во всех остальных случаях чутье срабатывает».
- По крайней мере ты не киллер, не собираешься его убивать? – спросила она со смешком, не подозревая, насколько мал зазор между ее предположением и правдой.
- Конечно, Глеб не мог честно признаться: «Смотря по обстоятельствам». Только покачал отрицательно головой...

* * *

Сидя у окна квартиры номер пятьдесят восемь, Курносый ждал условного знака. Он уже был одет в форму пражской полиции и посмотрелся на себя в зеркало, стараясь придать лицу соответствующее выражение. С внутренней стороны к кителю было пришито достаточное количество двойных петель. Оружие разместилось там: отдельно пистолеты, отдельно снятые с них глушители. Один пистолет находился на положенном месте, в полицейской кобуре.

Две гранаты со слезоточивым газом поместились под мышками. Третья, боевая, – в паху (Курносый ухмыльнулся, представив, что будет в случае «несанкционированного» разрыва).

Бывший спецназовец точно знал, куда выходят все три разделенных узкими перемычками окна нужного зала. Там горел свет, как и повсюду в комплексе. Иногда двигались человеческие тени – видимо, что-то меняли по требованию «господина Ставрса». Потом в зале, отведенном для «кипрской фирмы», надолго воцарилось спокойствие.

И вот, наконец, вплотную к окну подошел человек – знакомая фигура – уперся в стекло ладонью, приткнулся к нему, будто высматривал что-то на улице. Ощутимо потолстевший от снаряжения Семен кинулся на выход. Лифта в старинном, эпохи модерна доме не было, и он бесшумно сбежал по лестнице, чтобы выйти на улицу спокойным уверенным шагом.

Никто в банде, конечно, не надеялся, что Курносого из-за его «прикида» впустят через главный вход или откроют для него нужные ворота. Дверь пожарного выхода уже была подготовлена к приему «дорогого гостя». Отлучившись минут на пять из бокса, Гога быстро справился с замком. Тем временем Глюк, не вставая с кресла в кабине «Вольво», блокировал сигнал тревоги в одном из охранных компьютеров.

Поблизости от здания хватало сотрудников городской полиции и служб безопасности фирм – участниц выставки. Но человек в полицейской форме слишком уверенно подошел к двери и слишком уверенно ее распахнул, чтобы пробудить хоть в ком-то тревожные сомнения. Попасть в бокс из здания не составляло большого труда, но Курносый должен был дожидаться еще одного сигнала.

Тем временем Глюк продолжал следить за происходящим в третьем боксе. Туда вошел осанистый мужчина с седой ухоженной шевелюрой – из поля зрения одной камеры перескочил в другую четвертушку экрана, где появился уже в новом ракурсе. Это был старший из представителей «Cargier», находящихся в столице Чехии. Судя по всему, он заглянул в бокс, чтобы дать окончательное добро на разгрузку.

Одного его слова, конечно, было мало. Доступ в броневилок осуществлялся непросто. Все, кто ехал из аэропорта вместе с драгоценностями, по-видимому, покинули машину, теперь они не могли открыть дверь изнутри.

Представительный мужчина наклонился к дверце. Ни одна из камер слежения не позволяла разглядеть, как именно он колдует над ней. Дверца не открылась, он выполнил только половину работы. Следом подошел хранитель второй половины секрета – этот был помоложе и покудрявее.

Глюк дотронулся рукой до чертика, висящего у лобового стекла над водительским местом. Шумахер мгновенно его понял – заскочил на подножку, плюхнулся на водительское место и включил движок.

– Сейчас он подаст чуточку назад, так удобней разгружаться, – объяснил Вождь трем чужакам в боксе.

Те уже расслабились за долгие часы спокойствия и безделья. Охранник кивнул, полицейские продолжали пялиться на фургон. Они даже не испытали облегчения от того, что в боксе скоро нечего будет охранять. Без работы не оставят, пошлют в главный зал или другую часть комплекса.

Подав команду с ноутбука, Глюк-Шестаков «заморозил» на охранном компьютере все четыре изображения из бокса номер один. Что бы здесь теперь не произошло, «картинка» на мониторе будет по-прежнему благостной. Если погасить ее или сделать неразборчивой, тревога поднимется мгновенно. На «заморозку» обычно реагируют с опозданием, самое меньшее на несколько секунд.

Тем временем Шумахер коротко просигналил, как часто сигналият водители грузовиков, прежде чем дать задний ход – вдруг кто-то зазевался у задних колес? На самом деле это был сигнал для Курносого.

Бывший спецназовец заскочил в бокс из коридора, ногой захлопнул за собой дверь. Выстрелил с обеих рук в головы охраннику и одному из полицейских. Второй полицейский рефлекторно вскинул руки вверх, и это спасло ему жизнь. Деготь ударил его по голове тем самым разводным ключом, которым пользовался при сборке – полицейский мгновенно отключился.

Скинув китель, Курносый остался в черной майке без рукавов. Все, кроме Шумахера и Гоги, быстро разобрали оружие. У этих двоих имелись дела поважней.

Шумахер уже поменял удобное водительское кресло «Вольво» на неудобную подставку под задницу, завел упрощенную копию броневилика – топливо успели в достаточном количестве перекачать из бака грузовой машины. Из стендов, как из подручного материала, в один миг соорудили наклонный помост для съезда. Транспорт одноразового пользования выкатился из чрева фургона наружу.

Гога, не теряя времени, разбирался с очередным замком. Соседние боксы для удобства соединялись между собой проемами в боковых стенках. Проемы эти оставили достаточно большими, чтобы при надобности переносить какое-нибудь оборудование, но все же они были узковаты для любого четырехколесного транспортного средства.

Шестаковские часы беззвучно отщелкали очередную секунду. Экран ноутбука показывал, как ничего не подозревающие работники «Carrier» бережно достают из броневилика первый плоский короб с гербом фирмы на крышке. На другом экране, в глубине выставочного комплекса кому-то вот-вот должна была показаться подозрительной застылость всех фигур на картинке из первого бокса.

Шестаков не хотел, чтобы именно первый бокс вызвал там беспокойство. Он подал с клавиатуры новую команду, затормаживая все пять «картинок» из пяти расположенных друг за другом помещений для досмотра и разгрузки.

Этого уже невозможно не заметить, даже если дежурные перекидываются в картишки. Теперь точно начнется переполох, скоро весь огромный комплекс загудит, как растревоженный улей.

Почти одновременно с Шестаковым сработал Гога – открыл металлическую дверь к соседям. Фирма, которая разгружалась во втором боксе, оказалась не такой привередливой по части влажности в главном зале – из черной, похожей на катафалк, машины уже вынесли и подняли наверх все тщательно упакованные ювелирные изделия.

Водитель «катафалка» так и не понял, надо ли ему выезжать отсюда или машину можно оставить в боксе, как в гараже. На свое счастье он отправился выяснять этот вопрос – в помещении остался только один охранник комплекса, которому, по сути, нечего было охранять.

До сих пор охранник держался на почтительном расстоянии от «катафалка», но теперь мог позволить себе подойти вплотную и с любопытством осмотреть салон. Через кирпичную стенку он не расслышал ни одного слишком резкого и необычного звука – гул заработавшего движка, конечно, не мог его встревожить.

Он поднял голову только тогда, когда распахнулась металлическая дверь. В проем заскочили сразу двое. Щуплый человечек с прилипшими ко лбу завитками волос прямиком кинулся вперед, к следующей двери. Второй, покрепче, в черной майке без рукавов выбросил вперед руку и выстрелил с негромким хлопком.

Охранник получил пулю в переносицу. Кровь брызнула на толстое стекло «катафалка» и струйками потекла вниз по гладкой черной дверице.

Каждый из банды понимал – вот-вот должен прозвучать сигнал тревоги. Он многократно дублируется и бесполезно пытаться заблокировать его через главный охранный компьютер или перерезать где-то жилу кабеля. В эту секунду все зависело от Гайворонского, Гога должен был открыть дверь без задержки, как открывают незапертую дверь поворотом ручки. Он будто взвалил ее вес на себя – от напряжения вздулись вены на висках, вытаращились глаза. Еще одно движение «эксклюзивной» отмычкой, и язычок замка благополучно убрался внутрь.

Тут по зданию заверещала сигнализация. Все могло сорваться в последний момент. Достаточно было захлопнуть дверь броневичка, и тут же срабатывал самый сложный кодовый замок. Даже если под дулом пистолета оба хранителя секрета, ответственные сотрудники «Carrier», стали бы снова открывать замок, они не смогли бы сделать это мгновенно. Процедура специально была задумана конструкторами как достаточно долгая. Поднятая по тревоге охрана успела бы перекрыть все пути.

Но в дверях как раз стоял человек со вторым по счету плоским коробом в руках. Первый короб с бриллиантами в бархатных гнездах он уже передал сотруднику, который должен был нести его в зал.

Представительный мужчина с седой шевелюрой судорожно толкнул дверь. Она ударила о локоть человека с коробом, не успевшего ни нырнуть внутрь броневичка, ни отскочить в сторону. В следующее мгновение обоих свалили на пол несовместимые с жизнью ранения в голову. Застрелены были еще два охранника, один из которых успел выхватить пистолет. Раненого полицейского быстро оглушили.

Ворота на выезд успели уже заблокировать, но Вождь заранее это учел. Закинув два короба с продукцией «Carrier» обратно в броневичок, шесть членов банды, включая главаря, быстро забрались туда, упаковались, как сардины в консервную банку.

Последним протиснулся Шмайсер, перед тем, как захлопнуть дверцу, он бросил разом все три гранаты – боевую и газовые. На запирающие замок сработал быстро, гидравлическое устройство моментально задрало дверцу.

Взрыв у ворот все почувствовали по тому, как трянуло броневичок, но выброс слезоточивого газа заметил только Деготь, взявший в свои руки руль. Узкая щель замутилась белым, трудно было разглядеть насколько ворота повреждены.

Шумахер все еще оставался в третьем боксе. По коридору уже топали ботинки, но сюда пока никто не ломился. Все знали, что груз у «Carrier» самый ценный, никто не сомневался, что цель грабителей находится в боксе номер один.

До сих пор Шумахер ждал, пока откроется сквозной просвет. Теперь настал его черед проявить свой водительский талант. На крохотной свободной площадке он вывернул руль, резко накрывая набор облегченную версию броневика. Только таким образом машина вписалась в проем между соседними боксами, проскочила из первого во второй, из второго в третий.

Еще один вираж в сторону подорванных ворот. На этот раз вслепую, в белом плотном дыму слезоточивого газа. Шумахер рассчитывал прорваться сквозь дыру с первого раза, но это ему не удалось – машина зацепила рваный край металлических роллет.

Будь она потяжелей – смяла бы этот край и прорвалась на оперативный простор. Но силы удара не хватило. Копию, где все держалось на соплях, отбросило назад.

Глава 8

Миша Шестаков... Глебу не нужна была фотография, чтобы вспомнить бывшего сослуживца. Они только дважды сталкивались по работе – младшими офицерами в восьмидесятые годы, когда Слепому еще не сменили биографию и внешность, и был он штатным сотрудником. Тогда его использовали на разных заданиях, не всегда опасных для жизни.

Первый «стык» случился в Берлине, куда в правление «кремлевского старца» Черненко привезли на обмен диссидента-правозащитника. Кроме знаменитого обмена Луиса Корвалана, были и другие обмены, менее известные публике. Тогда в Берлине случился последний по счету.

Очкастого кандидата наук по фамилии Айхенвальд меняли на толстогубого негра – лидера одной из компартий на Юге Африки. По этому случаю в Берлин вылетело больше десятка сотрудников КГБ и почти столько же цэрэушников. Сиверову показалось, что сам обмен был всего лишь предлогом неплохо провести время в загранкомандировке.

Для него и Шестакова это были совсем другие часы и дни. Их нельзя было назвать особо напряженными – провокаций не предвиделось ни со стороны американцев, ни, тем более, со стороны бледного, мучимого язвой желудка Айхенвальда. Но оставлять диссидента в одиночестве нельзя было ни на минуту. Глеб и Михаил сидели в самолете справа и слева от кандидата наук, в том же расположении перемещались по улицам Берлина на заднем сиденье автомобиля. Жили втроем в двухместном номере гостиницы.

Ответственные лица с той и другой стороны не спешили с обменом. И тех и других ждала в родном ведомстве выматывающая работа с бумагами, нервозность с вызовами к начальству. Здесь они чувствовали себя почти на каникулах, проводили встречи и согласования в гостиничных ресторанах.

Если бы Глеб охранял кандидата наук в одиночку, возможно, все четыре дня большей частью прошли бы в молчании. Но Миша заполнил их доверху: рассказывал истории, обменивался впечатлениями от немецких телепрограмм, даже фокусы показывал без всякого реквизита.

Сиверов решил, что сослуживцу дали дополнительное задание: войти в контакт с диссидентом, вызвать его напоследок на откровенность. Особенно он в этом уверился, когда Шестаков начал рассказывать политические анекдоты, в том числе про покойного Брежнева. Так вот зачем под тумбочку подсунут включенный диктофон...

И все-таки он решил предостеречь товарища. Дождавшись, когда Айхенвальд попросился в туалет, он молча показал Шестакову «чудо техники». Тот искренне удивился:

– Seriously не в курсе? – отключив запись, в свою очередь удивился Глеб. – Может, ты и анекдоты просто так, от нечего делать трaviшь?

– Да ну, пустяки, – добродушно улыбнулся Шестаков. – Кто их сейчас не трaviт? Даже в самом Политбюро наверняка хохочут в перерывах между заседаниями.

Сиверову еще не приходилось встречать такого пренебрежения к условностям у сотрудника госбезопасности.

– Тогда отмотаю назад, – решил он, все еще не веря до конца в поразительную беспечность Шестакова. – А то еще влепят тебе строгача.

– Наверное, в самом деле лучше стереть, – согласился тот.

Глебу пришло в голову, что диктофон вполне может дублироваться «жучком» в номере. Тогда его провинность окажется посерьезнее шестаковской – фальсификация оперативного материала. За такую, как минимум, выгоняют из органов вон.

И все же он не хотел неприятностей для сослуживца, которого впервые в жизни видел. Быстро отмотал пленку настолько, чтобы гарантированно стереть «криминальные» анекдоты и не оборвать диалог на полуслове.

Когда диссидент вернулся в комнату, Шестаков сменил тему, стал художественно рассказывать про Абрама и Сару. Тут Айхенвальд оборвал его:

– Прошу прощения, но я вас не желаю слушать. Именно из-за антисемитизма я не в последнюю очередь и добивался права на эмиграцию.

– Причем здесь еврейский вопрос? – снова наивно изумился Шестаков. – Это ж только анекдот. Немцам из «штази» я про Штирлица рассказываю, там же Мюллер и Борман полные козлы. Ребята нормально воспринимают, ржут.

– Ничего другого им не остается, – заметил кандидат наук. – А я вот не хочу делать вид, что умираю со смеху. И раньше не хотел.

– Напрасно, – пожал плечами Шестаков. – Не заработали бы себе язву желудка.

История с политическими анекдотами так и не вышла на свет благодаря стараниям Глеба. Но «строгача» Шестаков все же схлопотал. Случилось это под занавес, когда миновал самый ответственный момент обмена. Большой и болезненно толстый негритянский коммунист на слоновьих ногах кое-как втиснулся в машину с советским водителем. Щуплый диссидент в очках достался американцам.

В отличие от фильмов, изображающих подобные обмены, этот, реальный, закончился дружескими рукопожатиями всех участников из спецслужб. Время уже было другое, внутреннее напряжение «холодной» войны спало. Но Шестаков вытворил нечто, не укладывающееся даже в эти широкие рамки. Увидев значок на лацкане ближайшего американца, он достал заранее припасенную сувенирную медальку с серпом и молотом и без всякого стеснения произвел обмен на память.

Всю обратную дорогу руководитель группы не устал его отчитывать.

– Я ж вручил ему нашу символику, – оправдывался Шестаков. – А себе взял ковбоя на лошади.

– Прекратите детский лепет. Это точно такой же символ американского образа жизни. Кого мне навязали, что за самодеятельность?

По приезде Сиверов узнал, что напарник получил строгача. С самим Мишей Шестаковым свидеться не удалось. Их пути разошлись, чтобы пересечься второй и последний раз через три с лишним года.

* * *

Во всякой даже самой продуманной операции есть критический момент, когда все повисает на тонкой ниточке. Иногда таких моментов бывает несколько. В Праге первый из них случился тогда, когда сотрудники «Cartier» могли успеть захлопнуть дверь в броневичок. Пронесло... Владелец ухоженной седой шевелюры остался стыть и твердеть на перепачканном кровью полу.

Через несколько секунд все повисло опять. Как всякий мастер экстра-класса, Шумахер давно уверовал в свою непогрешимость. Больше того – он уверовал в свой вечный фарт. Он готов был поспорить, что с закрытыми глазами впишется даже в обычный дверной проем.

Короткий рывок из первого бокса в третий был более или менее зрячим – щель обзора у копии броневичка сделали пошире, чем у оригинала. Газовые гранаты специально были брошены в дальний угол бокса, но белый туман заполнил небольшое помещение почти мгновенно и выскочить наружу Шумахеру не удалось.

Что теперь? Машина одноразового пользования не рассчитана на удар. Вроде не рассыпалась на детали, но ходовая часть могла пострадать. Это выяснится очень скоро, когда придется уходить в отрыв.

О герметичности в салоне даже говорить не стоило, слезоточивый газ уже просочился сюда и прихватил спазмом горло. В глаза будто швырнули песком, их невозможно было открыть. Влага обильно заструилась по щекам, потекло из носа.

Шумахер не выполнил одного важного указания Вождя. Тот потребовал перед стартом надеть на голову большой прозрачный полиэтиленовый пакет, прихватив его края липкой лентой к шее. Запаса воздуха для дыхания вполне должно было хватить на полминуты – за это время Шумахер в любом случае успел бы прорваться сквозь облако отравы.

В последний момент водитель-ас пренебрег разумной предосторожностью. Зачем напрягать на себя эту смехотворную хренотень, если он проскочит в мгновение ока? Теперь поздно было исправлять ошибку. Пакет только усугубил бы его состояние.

Зажмурившись, сжав губы, чтобы не захлебнуться в собственных слезах и соплях, Шумахер подал чуть назад для разгона и снова рванул в сторону ворот. Руки на рулевом ободке и все его тело от пяток до корней волос запомнили удар, который отбросил машину назад, развернув градусов на девяносто. Каждой мышцей, каждым сухожилием Шумахер чувствовал, куда надо смещаться, как изменить радиус виража.

Охрана уже взломала дверь, ведущую из коридора в бокс. Газ повалил на них плотными клубами. Отпрянув назад, они открыли наугад беспорядочную стрельбу в проем. Несколько пуль легко продырявили тонкий корпус машины, всего лишь имитирующий броню.

Но Шумахер уже вырвался на волю. В ближайшие минут десять ему предстояло вызывать огонь на себя, отвлекая все силы противника погоней за ложной целью.

* * *

Его сообщники в машине выжидали. Здесь с герметичностью все было в полном порядке. На случай длительной поездки в задней части броневишка даже имелись два баллона с дыхательной смесью. Экипаж мог время от времени стравливать воздух с чрезмерным содержанием углекислого газа и добавлять нового, обогащенного кислородом.

Пока в этом необходимости не было – тем более, что Вождь передал всем просьбу Глюка позаботиться о чистоте носков. Но «плотность населения» намного превышала норму, и через час-другой воздух, возможно, потребовалось бы освежить.

Впрочем, Шестаков все равно остался недоволен. Это давно можно было заметить по выражению его лица, но грабители слишком тесно упаковались в чрево броневишка и слишком были возбуждены.

Все тяжело дышали и молчали. Никто не знал, что задумал Вождь. Может, упрощенная копия броневишка вырвется на улицу и уведет в погоню за собой всех и вся. Может, она займет место настоящей машины, чтобы быть окруженной в боксе плотным тройным кольцом.

Вдобавок к дыханию соседей каждый слышал стук собственного сердца. Никаких комментариев не последовало даже за звуком удара, который мог означать только неудачную попытку Шумахера прорваться через подорванные ворота.

Молчание Вождя устраивало – он не любил болтовню на работе. Он набирал незнакомых друг с другом людей в первую очередь для того, чтобы никто, попав за решетку, не смог заложить остальных. Во вторую – ради этой напряженной тишины.

В следующую секунду она нарушилась.

– Какого черта столько завалили? – спросил Глюк. – Мы с тобой так не договаривались.

Шестаков один пока занимался делом. Подключив свой ноутбук к шине данных бортового компьютера, он выдавал на клавиатуре пассажи один быстрее другого, напоминая пиани-

ста-виртуоза, чей инструмент по какой-то причине онемел. Но это не помешало ему задать вопрос.

– Не отвлекайся, – посоветовал Вождь. – Потом обсудим.

Словно отвечая Глюку, раздались автоматные очереди охраны, пули глухо ударили в стенки бокса и звонко – по броне.

– Вслепую палят, – прокомментировал Вождь. – Сейчас газа накушаются и перестанут.

Герметично задраенный салон гасил треск очередей, поэтому Вождю даже не пришлось повышать голоса, чтобы его расслышали. Как он и предсказывал, стрельба быстро умолкла. Без противогаза никто не смог устоять в проеме, из которого прорывались в коридор клубы слезоточивого газа.

– Я еще там, в тюряге, говорил, что мне не нравятся трупы, – продолжал гнуть свое Шестаков. – Надо было предупреждать.

– А чего ты хотел? – спокойно ответил Вождь.

– Чем лучше дело организовано, тем меньше приходится убивать. Вспомни, как ты сам вышел на свободу.

– Может, все-таки потом поговорим?

Из всех членов команды больше всего Вождь уважал именно Глюка. Но теперь в его голосе зазвучали металлические нотки – давно уже никто не вызывал у него такого неудовольствия.

– В натуре многовато кровищи, – подал голос Гога.

– Откуда такие чистюли? – возмутился Шмайсер, – Может, на «вы» надо было разговаривать с тем сивым меринном, что броневик пытался захлопнуть? «Подождите, любезный, мы хотели бы сесть».

– Кончайте базар, – сухо потребовал краснолицый человек с фальшивой бородой и настоящими усами.

– Свое дело я сделал, – сообщил Шестаков. – Компьютер работает, координат не выдает.

– Спасибо, – мрачно поблагодарил Вождь.

В тускловатом освещении салона его прямые темные волосы до воротника казались совсем черными, а красноватая кожа лица еще красней. Часы на приборной доске продолжали отсчитывать минуты и секунды. Снаружи, с улицы, слабо доносились крики и автомобильные гудки – первая волна погони уже ушла за Шумахером, теперь настал черед второй.

Прошла еще минута. Вождь продолжал прислушиваться к звукам с улицы, как врач прислушивается через стетоскоп к дыханию больного воспалением легких. Наконец, он положил руку на плечо Дегтя, и броневик тихо выкатился из бокса в густом белом тумане.

Глава 9

Вторая встреча с Мишей Шестаковым тоже была необычной. Мобильных телефонов тогда еще не изобрели, и сигнал о срочной необходимости прибыть в гостиницу «Космос» Глеб получил по малогабаритной рации.

Тогда он еще числился в штате, но по специфике работы очень редко показывал кому-то свое служебное удостоверение. Сунув швейцару трешку, он проследовал к лифту и поднялся на нужный этаж. Дежурная по этажу пока еще не знала ничего о происшествии в номере. Она увлеченно читала «Огонек» и даже не повернулась, услышав шаги по коридору.

Другой сотрудник открыл Сиверову дверь номера. Они поздоровались, но знакомиться не стали. Глеб сразу прошел в спальню, где висел на крюке от люстры труп смуглого мужчины с аккуратной бородкой. Покойный был в европейском костюме и галстукке, но на голове у него красовалась аккуратная чалма из бледно-зеленой ткани.

– Военный атташе Пакистана, – мрачно сообщил коллега Сиверова. – Работали с ним на предмет вербовки.

– Надавили слишком резко?

– Наоборот, – было видно, что сотрудник Комитета боится именно этого обвинения. – Я только намекнул. Сказал, что никто его не торопит.

– Когда?

– Три часа назад.

Сиверов терпеть не мог дел, связанных с внутренним расследованием, с установлением вины или невинности сослуживца. Неужели его решили использовать на этом фронте? Не нашлось никого более подходящего в ближнем радиусе от ВДНХ?

Оказалось, пакистанцу тривиально подсунили девицу и многократно сфотографировали их времяпрепровождение скрытой камерой. Наибольшим компроматом оказался даже не секс, а возлияния: коктейль «бурый медведь» из водки и коньяка. Пакистан – страна строгих мусульманских нравов, а употребление спиртного по шариату гораздо более серьезное прегрешение для мужчины, чем блуд.

Конечно, пакистанца не забили бы дома камнями, но с работы точно поперли бы. Тот самый сотрудник, который теперь нервно курил в форточку, показал дипломату красочные снимки и предложил сотрудничество – информировать о новых военных программах на родине. Конечно, не бесплатно.

Пакистанец сперва гордо отказывался, потом раскачивался и причитал нараспев – «посыпал пеплом голову», как говорят на Востоке. В конце концов, вроде бы притих и смирился. Никаких письменных обязательств с него, конечно, не собирались брать. Сотрудник Комитета просто дружески попрощался и ушел, пообещав скорую встречу.

И вот такая неувязка, такой быстрый и плохой конец. Шила в мешке не утаишь, в ближайšie часы придется сообщить в посольство. К этому времени никаких комитетчиков не должно быть поблизости – только милиция. Дежурной по этажу надо твердо запомнить свои показания. Неплохо бы еще подыскать пару свидетелей, способных подтвердить версию. Только вот какую?

Доставать покойника из петли было никак нельзя – соотечественники из посольства должны были увидеть картину в оригинале. Атташе тихо покачивался все время пока шло предварительное обсуждение ЧП. Потолки в здешних гостиничных номерах не шли ни в какое сравнение с высокими потолками гостиниц сталинских времен – черные ботинки дипломата торчали носами в разные стороны на уровне чуть выше сиверовских колен.

– Кто-нибудь из постояльцев видел вас вместе? – спросил Сиверов.

– Кажется, нет. Я перехватил его в коридоре на пути к лифту, сказал, что нужно поговорить. Дежурная по этажу разговаривала с пожилой женщиной, но та стояла к нам спиной.

– Почему в коридоре? Почему в номер не постучал?

Сиверову искренне хотелось найти для сослуживца смягчающие обстоятельства. Но для этого он должен был иметь полную картину.

– Ключ торчал в замке изнутри, я не мог открыть дубликатом. Когда он проснулся, я послал сперва горничную. Он уже давно был один, но не впустил ее, попросил прийти потом. Хотел убраться незамеченным. Тем более он не впустил бы незнакомого мужчину.

Тренированным слухом Глеб услышал в дальнем конце коридора шаги целой группы деловитых мужчин. Прибыли главные силы. Он испытал облегчение и одновременно поспешил дать виновнику ЧП несколько полезных советов. Они были сверстниками – старшего по возрасту Глеб вряд ли стал бы учить.

– Напирай, что «Восток – дело тонкое». Где тонко, там и рвется.

– Да я учился на востоковеда, ездил туда в командировки, – сотрудник обхватил руками голову.

– Не клади заранее голову на плаху. Если слишком старательно это делать, ты не оставишь начальству другого выбора. Отчитался максимально четко и жди оргвыводов.

Из группы прибывших выделялся один человек, в котором Глеб узнал напарника по «берлинской операции». Все рьяно занялись несостоявшимся куратором пакистанца, и только Шестаков с искренне огорченным видом остановился возле мерно покачивающегося мертвеца.

Заметив Сиверова, он протянул ему руку.

– Это ведь я устанавливал скрытые камеры. Надо снять их по-быстрому. Пакистанцам, конечно, не разрешат проводить собственный досмотр, но береженого Бог бережет. Наши закадычные друзья из милиции вполне могут подкинуть им улику, чтобы только нас обделать.

– Давай помогу.

– Я и фотографии отбирал. Всего было полста, не меньше. Смеялся много – бедняга ведь так и не снял чалмы. А теперь жалко его до слез.

– В самом деле жалко, – согласился Сиверов. – Не захотел работать на чужих. Это, как минимум, достойно уважения.

Их сочувствие покойнику было разным – у Сиверова буднично-спокойным, у Шестакова чересчур эмоциональным. Углы его улыбчивого рта опустились, как у куклы Пьеро, всегда веселые карие глаза поблескивали от влаги.

«Странный все-таки мужик, – подумал Глеб. – Как он держится в Комитете? И не похоже, чтоб крепкую спину имел за собой – такие смолоду тренируются курсировать между кабинетами».

Его впечатления от разговора с незадачливым сослуживцем пока никого не интересовали, он слышал через дверь, как куратору заново задают те же вопросы. Им с Шестаковым разрешили уходить – здесь в их услугах больше не нуждались.

По дороге в лифте и в фойе они успели еще немного пообщаться. Шестаков откровенно объяснил, что съемки скрытой камерой не его главная специальность, он вообще-то системный программист.

Теперь его личность немного прояснилась для Сиверова. Глеб уже успел соприкоснуться с этой породой людей, в восьмидесятые годы еще не такой многочисленной. Их отличали специфический юмор, особая манера общаться. Компьютер был для них гораздо роднее человека, поэтому реакция их иногда казалась неадекватной: временами слишком ироничной и холодной, временами чересчур чувствительной.

Так или иначе вторая встреча только укрепила симпатию Глеба к Шестакову. Тогда Слепой не мог предугадать, что они видятся в последний раз.

* * *

Сиверов начал действовать одновременно в нескольких направлениях. По Семену Ершову информация была скудной. Постоянного адреса мужик не имеет, бичует по вокзалам и станциям Москвы и области.

– Инвалид, – объяснил Потапчук. – Если б в нашем спецназе воевал, его бы не бросили. У министерства обороны народу слишком много, они там привыкли дивизиями разбрасываться.

– Бывших спецназовцев без кола без двора я знавал. Но чтоб бандит до бомжа скатился...

– Говорят, характер у мужика не сахар. Неуживчивый.

Кроме клички, от которой Семену вряд ли удалось отделаться, у Сиверова была в распоряжении одна характерная деталь: нерабочая правая рука. Припарковавшись на площади «Трех вокзалов», он принялся опрашивать людей. На Казанском обнаружился носильщик по кличке Курносый, но старше по возрасту, чем Ершов, и со здоровыми сильными ручищами. На Ярославском ему показали бомжа-инвалида с ампутированной рукой, но плюгавенького мужичка при всем желании нельзя было представить бывшим спецназовцем.

Пришлось возвращаться к машине и продолжать объезд. На Курском и Белорусском Курносого вспомнили – там он достаточно долго ошивался. Память о себе оставил не слишком хорошую.

– Амбиций имел до хера, – объяснил у пассажирского вагона «коробейник» с шоколадными плитками, наборами авторучек и прочей мелочевкой. – Поработал, как я, и бросил, не понравилось, что пассажиры морды воротят. Конечно, воротят – кто хотел, тот уже накупил в городе достаточно. Полсотни отвернется, полсотни скривит рожу и обольет презрением и один купит на копейку – такая вот пропорция. Его не устроило...

Уборщица в халате и клеенчатом фартуке, казалось, занималась в зале ожидания сизифовым трудом. Протирала шваброй плитки пола, которые тут же испещряло множество новых грязных следов – в Москве с утра моросил дождь.

– Был такой. Не слыхала, чтоб звали Курносым, но, судя по роже, кличка вполне подходящая. И рука сухая, висела, как плеть. Лево́й управлялся нормально, только злился по каждому поводу. Пассажиров чуть ли не жаться к стенкам заставлял. Один наследил по свежевывтертому, так он на него с кулаками накинудся. Парень здоровый был, но струхнул.

– Короче, не прижился у вас Семен.

– Не прижился. Через две недели поперли. Денег вообще не заплатили, сказали, испытательный срок не выдержал. Он, конечно, сразу на коня. Но шашкой помахать не дали, быстро скрутили...

Одно время Ершов работал и живой рекламой – топтался у входа на Курскую-Кольцевую со щитом на груди.

– Мы с ним отдых на море рекламировали, – рассказал напарник. – Турция, Греция, Кипр. Каждый день звал в переулок: там и магазин и местечко укромное, где можно без проблем пузырь раздавить. Я вначале думал, мерзнет с непривычки, посоветовал больше ходить, не стоять подолгу на месте. А он мне: я, мол, бывший спецназовец, я двое суток без движения мог в засаде просидеть. И ничего, нормально – если для дела надо. Он правда в спецназе служил?

– В афганскую.

– Кто ж виноват, что он льготы себе не выцарапал. Ну, сели раз, выпили. Вначале жаловался, что скучно торчать с рекламой. Потом такие понты развел. Я зову на место возвращаться, чтобы прогул не засчитали, а он меня шестеркой обзывает. Кончай, мол, шестерить, такой поганой работы можно сколько угодно найти. Если такой генерал, какого черта вообще нанимался?

Главного Глеб так и не узнал – Курносый ни с кем не делился планами на будущее. Скорее всего, он их вообще не имел. Просто пытался найти хоть какое-то место, где мог бы работать, не теряя самоуважения. С каждой новой неудачей, новым увольнением, ему становилось еще сложнее – характер, если и менялся, то не в лучшую сторону.

Мог он быть предателем, виновником гибели Шестакова? Трудно представить. Но нельзя спешить и заранее вычеркивать его из списка подозреваемых.

* * *

В задачу Шумахера входило привлечь к себе внимание и в то же время проскочить достаточно быстро, чтобы никто не успел заметить мелких отличий мнимого броневика от настоящего. Его отъезд зафиксировали те камеры наружного наблюдения, которые дым еще не успел забить белой ватой.

По машине открыли стрельбу те, кто находился снаружи, – дежурные полицейские и сотрудники собственной службы охраны ювелирных фирм, не допущенные администрацией внутрь комплекса.

Все они сидели в двух кафе на противоположной стороне Златницкой. Охранники разных фирм занимали разные столики, ревниво друг на друга посматривая. Их хозяева вели между собой жесткую борьбу на рынке, и охранники прекрасно это знали. И тем не менее проявили солидарность, как только это потребовалось.

Зажимая платками нос и рот, они стреляли по приземистой движущейся тени вместе с полицейскими. Потом ринулись к припаркованным машинам, одновременно дозваниваясь по мобильникам к старшим представителям на выставке. Кричали в трубки, одинаково срываясь на кашель, пытались отбежать или отъехать от ползущих во все стороны белых клубов.

Старшие представители проявили гораздо меньшую солидарность с «Carrier». Не сговариваясь, все они запретили своим охранникам преследовать броневичок. В беспорядке и хаосе за первым ограблением может последовать второе. Когда рванут в погоню полицейские машины, нужно удвоить бдительность и перекрыть своими силами ближние улицы.

Легче было приказать это, чем исполнить. Со стороны фасада комплекса воздух оставался чистым и свежим, с противоположной – клубился ядовитый туман. Стрельба быстро прекратилась – даже если бы глаза не слезились от невыносимой рези, все равно можно было ненароком попасть в полицейского или в своего ни в чем не повинного коллегу.

Вслепую ставить машины поперек улицы тоже оказалось делом не простым. Чья-то машина въехала задом в фонарный столб. Две других столкнулись, побив фары. К счастью, скорость в обоих случаях была малой, люди отделались незначительными ушибами. Но легче от этого никому не стало.

Тем временем погоня набирала обороты. За Шумахером увязались две полицейские машины и два мотоциклиста. Причин для колебаний у полиции не было, она стартовала достаточно быстро и выиграла от этого вдвойне – слезоточивый газ не успел причинить большого вреда участникам погони.

Немедленно включились все штатные средства связи. Были оперативно перекрыты мосты через Влтаву – Чехов, Манесов, Карлов и Мост Легионов. Начали перекрываться те улочки, куда броневик мог свернуть и, конечно же, все улицы и перекрестки по направлению его движения.

Шумахеру никто бы не позавидовал. Боковой и задний обзоры в машине отсутствовали – это диктовалось условиями внешнего сходства. Щель впереди была шире, чем в транспортном средстве «Carrier», но в любом случае мизерной по сравнению с привычным лобовым стеклом.

В настоящем броневике дефицит обзора восполнял бортовой компьютер – подключенный к нескольким «глазкам», он давал возможность переключаться между разными обзорными

видами – вперед-назад, вправо-влево и даже вниз-вверх. У Шумахера в распоряжении были только щель и собственные, не перестающие слезиться глаза.

Уход от преследования по улицам Старого города требовал постоянных разворотов, виражей. Харитонов прекрасно знал район, и это ему очень помогало.

У него было три варианта конечного пункта – в каждом из них ожидал обычный велосипед. До любой из трех точек он мог добраться очень быстро, но Вождь поставил условие: двенадцать минут отвлекать на себя полицию, ровно двенадцать минут с момента выезда из ворот.

Внутри машины уже не было надобности копировать броневик, все здесь было по минимуму. И если приборная доска фактически отсутствовала, то светящееся табло часов красовалось на самом видном месте, прямо под щелью, и Шумахер следил за временем постоянно. Сейчас цифры на табло подсказывали: прошла всего лишь половина срока.

Он снова вывернул руль – машину занесло и едва не перевернуло на крышу. Нельзя, чтобы полиция распознала по ходу и маневренности, что машина весит во много раз меньше настоящей, бронированной. В идеале надо ехать плавно и по прямой – крейсерским ходом, каким движутся лимузины с президентами и премьерами. При каждом резком повороте, при каждом торможении отличия в «весовой категории» обязательно будут выпирать.

Одна надежда, что пражская полиция заранее наслышана о чудо-машине. Чехи готовы поверить и в сверхлегкую броню и в сверхмощный движок, который управляется с сейфом на колесах, как с пушинкой.

Несколько пуль зацепили на излете заднюю стенку. Одна из них, уже ощутимо потерявшая скорость, ударила как молотом в бронежилет под правую лопатку. Шумахер и так с трудом дышал, а теперь и подавно чуть не задохнулся от боли. Если б пуля угодила повыше, предплечье на какое-то время онемело бы, и он не смог бы маневрировать как положено.

Клин клином вышибают. От резкой боли зрение ощутимо прояснилось, слезы перестали течь. Какого черта он получает равную со всеми долю? Его роль в деле самая ответственная, самая рискованная! Сейчас, конечно, поздно выступать и требовать себе больше. Сам виноват, слишком впечатляющей оказалась сумма. Но в отличие от других ему, Игорю Харитонову, деньги никогда не доставались легко.

Как быть теперь? В обзорную щель видно, что узкая улица от стены до стены перекрыта двумя выставленными поперек полицейскими машинами. Успели, гады, подсутились. Машины, само собой, пустые – никто не жаждет сломать себе позвоночник. На обычной тачке он бы раскидал эти ментовозки, но второго удара самоделка не выдержит, точно рассыплется.

В одном полицейские ошиблись: перегородили улицу возле самого перекрестка. Шумахер чуть крутанул руль направо – вышиб стеклянную витрину закрытого на ночь магазинчика, снес прилавки и вылетел на перпендикулярную улицу вместе с тучей режущих брызг от второй витрины. Вслед жалобно заверещала сигнализация магазинчика.

Глава 10

Денис Кудрявцев, по кличке Деготь, давно не проживал по месту прописки. Но Слепой имел в распоряжении несколько адресов его любовниц – два московских, два питерских и один одесский. В первую очередь, «не отходя от кассы», следовало проверить столичные «явки».

Обе квартиры находились на отшибе, и первым делом Глеб отправился в Восточное Бирюлево. Здесь в ответ на звонок кто-то долго кряхтел, шаркал и ворчал, добираясь до двери.

– Чего надо? – просипел, наконец, глухой голос.

Решив, что имеет дело с престарелой матушкой, Сиверов громко спросил:

– А Лены нет?

– Пять минут не могут обойтись.

Следом прозвучала изощренная матерная фраза. Приняв ответ к сведению, Сиверов задал следующий вопрос:

– Скоро появится, не знаете?

– Да я Лена, я! Кто там вообще? Хотя на фиг разница?

Открыв дверь, хозяйка повернулась к ней спиной, не проявляя к личности гостя живого интереса. С левой ее ноги соскочил рваный тапочек. Дважды она попыталась всунуть на место ступню, потом отправилась назад в комнату в одном тапочке и байковом, не первой свежести халате. Повалилась на диван, спрятав лицо в подушке, и кое-как натянула на себя плед.

Запах спиртного Сиверов не почувствовал. Наркоманка? Он бросил взгляд на комнату, где царил полный бардак. Вперемешку валялись кожура банана, упаковка противозачаточных таблеток, старая новогодняя поздравительная открытка и еще много всякого барахла.

– Чего надо? – повторила Лена, так и не удосужившись взглянуть на вошедшего.

Сиверов решил не бродить вокруг да около:

– Не в курсе, где Деготь ошивается?

– Ой, бли-и-ин, – тоскливо протянула хозяйка. – На кой он мне, твой Деготь?

Сиверов высматривал место, чтоб присесть, и самым чистым оказался подоконник. Достаточно только было убрать с него будильник и магнитофонную кассету. Продолжая лежать, уткнувшись в подушку, хозяйка тем не менее контролировала его действия.

– Аккуратнее с кассетой. Мне одну уже испоганили. Вставь-ка в мофон, сделай одолжение. Иначе я точно не проснусь.

Пожав плечами, Сиверов выполнил просьбу. Музыка в самом деле заряжала:

«Вы хотите песен, их есть у меня. Я переору любого соловья!» – выдавал грубоватый мужской голос на простенький танцевальный мотив.

Сиверов узнал группу, которую часто слышал последнее время, – звуки ее песен вплетались в шумы российских городов. Оторвав голову от подушки, хозяйка энергично покрутила ею в разные стороны. Шейные позвонки хрустнули «Мэджик пипл, вуду пипл!» – нестройный хор прокричал припев без всякой связи с куплетом.

Лена села на диване и заморгала. Веки были тяжелыми, слипшимися, казалось, они тоже должны скрипеть после долгого бездействия. Несмотря на бледность, заспанный вид и полное отсутствие косметики, в ней можно было распознать довольно миловидную женщину лет тридцати. Теперь и она пристально смотрела на Сиверова.

Потом отвела глаза и огляделась по сторонам, изобразив удивленный вид:

– Кто это тут насвинячил?

«Вы хотите песен, их есть у меня, – будто в ответ ей повторил грубоватый голос с кассеты. – Пусть я пьяный в жопу, как последняя свинья...»

– Погодите, сейчас приберу немного, – хозяйка отправилась по коридору на кухню, виляя бедрами в такт зажигательной русской мамбе.

«Я пою, а ребята играют. Не попадаем друг в друга бывает...»

– Три ночи не спала, представляете? – сообщила Лена из кухни. – На выходных пикник за городом, а потом в ночную смену.

Сиверов не спешил напоминать о цели своего прихода, ожидая, пока душевный настрой хозяйки окончательно «гармонизируется». Кое-как прибрал со стола и стульев, она широким жестом предложила гостю переселиться с подоконника на более удобное место.

– С какой стати вы у меня насчет Дегтя интересуетесь? Он здесь сто лет уже не появлялся.

По опыту Сиверов знал, что это выражение может означать любой срок – от недели и дольше. Поэтому разочаровываться в своем визите не спешил.

– Не сошлись характерами?

– Как все в этом мире. Хотя я единственная посылала ему передачи на зону и моталась на свидания.

Слепой уже знал, что Денис Кудрявцев, или попросту Деготь, отсидел четыре года за перелицовку ворованных машин – перебивку номеров на двигателях и корпусах, перекрашивание и прочую «косметику». Освободился два года назад и, вероятнее всего, снова занялся прежним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.